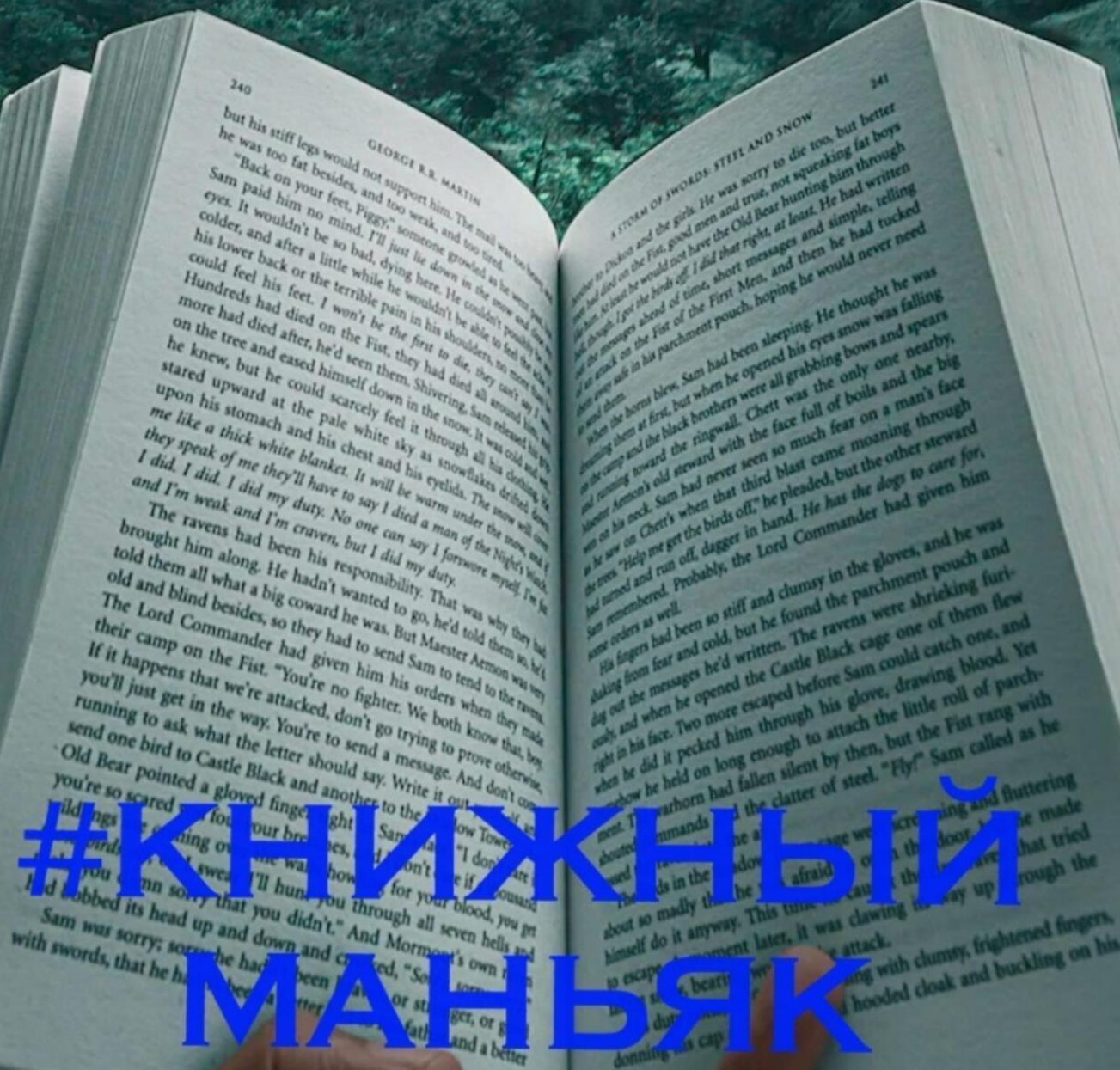

Святослав Горелов

ДЛЯ НЕГО КНИГИ
ЛИШЬ СПОСОБ УБИТЬ...

Святослав Горелов
#КНИЖНЫЙ МАНЬЯК

«Автор»

2023

Горелов С.

#Книжный маньяк / С. Горелов — «Автор», 2023

Какая связь между директором логистического центра, мойщиком окон, прокурором и маньяком, когда-то избежавшем наказания за свои преступления? На первый взгляд, никакой. Никто из них даже не знал друг друга. Но сейчас все четверо убиты, а возле их тел оставлены карточки с названием детективного романа. Следователь отдела убийства Александра Молотова обращается за помощью к автору популярных детективов и знатоку жанра Роману Агатову, чтобы тот помог разгадать загадочный ребус убийцы. Совместное расследование приводит их сначала в маленький городок, тщательно хранящий свои секреты, и где с регулярностью пропадают люди, а потом и в высшие круга общества, где темные тайны оберегают еще сильнее. А пока убийца продолжает писать новую историю, и далеко не по классическим канонам детективного жанра...

© Горелов С., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

55

Святослав Горелов

#Книжный маньяк

*Моим родителям, которые привили мне
любовь к чтению, и у которых я, будучи маленьким,
также как и главный герой
тайком таскал из тумбочек детективы*

Кристине – дорогой sister, которая все знает о «наших»

*Ирине Ивановне – лучшему редактору на земле,
о котором только можно было мечтать*

*Ирине Андреевне – первому читателю, всегда спрашивающей,
когда же выйдет что-то новое*

*Андрею – с благодарностью за бесценные консультации
и за ежедневное вдохновение нашего «тихого дворика»*

*А также А.Марининой, Т.Устиновой, Ч.Абдулаеву,
Е.Михалковой, Д.Донцовой, Т.Степановой,
светлой памяти Т.Поляковой – и всем другим
крутым остросюжетным авторам, которые в течение
десятилетий держат марку хорошей детективной литературы*

ПРОЛОГ

– Где тело? Где лежит тело этой дурной бабы?

– Там же, где я его и оставила. Кажется, на втором этаже.

Она любезно посмотрела на него и указала рукой:

– По лестнице наверх и сразу направо.

Он последовал указанию и поднялся на второй этаж дома. Ступени под его ногами жалобно скрипели.

Наверху, возле распахнутой двери, лукаво приглашающей войти, действительно лежало тело женщины. Голова ее была неестественно запрокинута, изможденная худобой, бледная рука с блестящим золотым браслетом вывернута тыльной стороной к потолку. Взгляд – по-прежнему жесткий и недовольный – застыл. Когда он подошел, показалось, она будто моргнула. Даже мертвой видела его. Чувствовала. Или это только блики белков глаз от яркого света?

Он удовлетворенно кивнул и спустился обратно. Девушка ждала его на диване.

– Нашли?

Она смотрела на него влюбленными глазами, расслабленно откинувшись на подушки.

Ему вдруг стало неловко.

– Нашел. Второй где?

– Кто?

– Второй труп, говорю, где?

– На кухне. Все, как и было указано.

Она пожала плечами, мол, чего же еще надо то? А он, по-прежнему недовольный и рассерженный, прошел через широкий коридор на кухню. Сосредоточенно оглядел обстановку.

Девушка вновь не обманывала – в центре лежало тело мужчины. Глаза у трупа, к счастью, были закрыты. На ламинате (Господи, ну что за идиот кладет на кухне ламинат!) виднелись следы разлитого напитка, а у барной стойки в перевернутом виде застыл граненый стакан. Интересно, что пил убитый перед смертью?

Ему пришлось принюхаться, но никакого запаха так и не уловил. Пришлось наклониться к телу и втянуть носом воздух.

Коньяк? Нет, вроде виски. Или...

– Бренди, – сказала девушка, незаметно материализовавшись у него за спиной. Он слегка вздрогнул от неожиданности. Вечно она подкрадывается, как кошка перед нападением. – Покойник пил испанский бренди перед тем, как... ну, в общем, вы понимаете.

– Перед тем как в него выстрелили, уж говори прямо, – он поднялся и оглядел обстановку. – Что ж, вроде все так, как и должно быть. Теперь можно и за работу.

Он вернулся в гостиную, сел за обеденный стол, где его уже ждал раскрытый ноутбук. Нашел в системе нужный файл и открыл документ.

– Может быть кофе? – спросила девушка, вернувшись за ним. – Или чай? Я не прочь перекусить.

Она посмотрела на хрустальную вазочку в центре стола, где хозяйкой, сейчас уже безнадежно мертвой, были когда-то разложены дорогие конфеты в блестящих обертках.

– Я очень голодна.

– У тебя что, хватит духу и совести есть и пить в присутствии двух покойников?

– Ну, у вас же хватает духа, совести и сил работать здесь. Писать. Сочинять. Почему бы не утолить свои естественные биологические потребности. Им, – она указала рукой в сторону одного из покойников. – Поверьте, уже все равно.

– Нет у тебя никакого трепета по отношению к убитым.

Она немного помолчала, потом все же взяла одну из конфет, развернула, надкусила. Посмотрела на начинку и поморщилась.

– Невкусные. А с виду так хорошо выглядят.

– Займись лучше делом. Прибрать бы после их обильного ужина. И найди мне бутылку этого треклятого бренди. Хочу посмотреть марку. И отпить глоток. Почувствовать вкус. Я же должен знать, что чувствовал убитый, когда эта янтарная жидкость попала ему в организм.

– Кстати, – вдруг сказала девушка. – Здесь их не два.

– Что не два?

– Ну вы сказали про присутствие двух покойников. Так вот, их здесь не два.

Она бросила недоеденную конфету в раскрытой обертке обратно в вазу.

– Их тут гораздо больше.

– Больше?

Теперь настал его черед удивляться. А удивляться не хотелось. Особенно сейчас. Особенно такому повороту событий.

– Вы откройте вон ту дверь, – собеседница указала на противоположную от его стола стену.

– Что там?

– Вообще эта гардеробная. Но гораздо интереснее, что там теперь лежит вместо бесчисленных вещей хозяев.

Девушка, покопавшись в посудине, взяла другую конфету. Развернула. Надкусила.

– А вот эта конфета очень вкусная. Попробуйте.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КУРС ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ГЛАВА 1 СТИЛИСТ¹

Я не люблю рассказывать о себе. Будучи писателем, это трудно, ведь все ждут от тебя чего-то яркого и увлекательного. Точно такого же, как и твои книги. Особенно если ты – популярный писатель, а не тот несчастный, книги которого безвозвратно теряются на полках книжных магазинов и бесконечных электронных страниц онлайн-маркетов. Люди надеются, что твоя жизнь настолько же лихо закручена, как и сюжет детективного романа. И ты сейчас расскажешь о себе – удивительном и запоминающемся человеке, которому впору самому становится главным героем.

Главное, твой рассказ о себе тоже должен быть увлекательным, как и книга, желательно остросюжетная. Чтобы цепляло с первых строк и не отпускало до финала.

По факту никакой динамики, никакой тайны и тем более никто не дочитает до финала, потому как попросту скучно. Уж, извините, по-другому никак.

Жизнь, и моя в частности, сама по себе скучна, однообразна, а слушатели, стоит тебе завести свою автобиографическую пластинку, позевывают и уходят прочь с глаз. Жизнь – простой белый лист бумаги. Настоящий печатный или электронный в недрах компьютера, не важно. В реальности, он заполняется событиями. Печальный нюанс, их ты никак не можешь отредактировать. В параллельной реальности, ты эти листы заполняешь своими строками о героях. В особо редких случаях, их образы могут быть списаны с соседей, друзей, близких. И вот их уже можно изменить так, как ты хочешь. Добро пожаловать в альтернативную вселенную писателя. Здесь все решает он.

Говорите, все совпадения случайны, вымышлены и никогда не имели места в настоящей жизни?

Вранье.

Нет лучшего историка, чем Господь Бог. И нет лучшего писателя, чем сама жизнь.

Отец, когда мы сидели с ним на веранде нашего дачного домика, и солнце буквально на глазах падало в объятия уральских гор, философствовать. Уральское лето, короткое и не ласковое, было не слишком щедро на жаркие дни. Потому мы наслаждались каждым теплым вечером и глядели на закат. На столе, разделявшем нас, стоял облепиховый чай.

– Запомни, сын, никто из нас не знает, что будет там, – он махнул рукой за спину. Жест означал ничто иное, как загробный мир. – Возможно, мы станем проживать новую жизнь, возможно исчезнем навсегда. Или же, то что рассказывают в церкви, станет правдой и одни отправятся в рай, а другие в ад.

Тут он всегда грустно вздыхал, потому что редко соблюдал заповеди, не ходил в церковь, и место в раю для него оставалось под большим вопросом.

– После себя надо что-то оставить, – говорил отец. – То, о чем будут помнить твои дети, внуки. Наш живой памятник.

Я тогда не знал, что именно смогу оставить после себя. Мне было, кажется, лет тринадцать. Рисовать я не умел, игра на музыкальных инструментах превращалась в безжалостную (для слушателей) какофонию, в школе числился откровенно средним учеником. Девочки обходили меня стороной, одноклассники посмеивались. Учителя, особенно естественных наук, старились не взывать меня лишней раз к доске, чтобы не травмировать ничью психику, в первую очередь собственную.

Что я любил? Обожал смотреть на закат солнца и красивые облака, замирающее вечерами над городом – и каждый вечер они были совершенно другими, непохожими и неповторимыми. Небо – лучший художник на земле. Я любил собирать коллекционные модели легковых автомобилей, но никогда толком не играл в них. Возможно, потому что отец в основном то

---

¹ «Стилист» (1996г.) – детективный роман Александры Марининой.

смотрел телевизор, то что-то сосредоточенно читал, и практически не играл со мной, а играть одному мне казалось скучным.

И еще я очень любил читать. Иногда мне было наплевать на человеческое общение. Достаточно книги и тишины вокруг.

Мама и папа запоем читали детективы, чуть ли не отбирая друг у друга книжки. Когда они меня не видели и были заняты своими домашними делами, либо просто о чем-то спорили – а так происходило в нашей одинокой семье почти всегда, я тайно пробирался к ним в спальню, садился на корточки у тумбочки, где лежали книги, открывал их и начинал читать, пока никто не видел. У меня было много времени, ведь родители мало обращали внимание на мои занятия. Сын, которому не нужно уделять много внимания и который с младых лет развлекает и занимает себя сам – настоящее счастье. Умел бы я еще сам себе готовить еду – цены такому человеческому экземпляру не было бы!

Моими собеседниками стали не сверстники во дворе, с семи лет бойко ругавшиеся матом, в двенадцать знавшие, что такое вкус сигареты, а в пятнадцать почти неожиданно познавшие, что такое секс. Не одноклассники, тогда увлекавшиеся не книгами, а бездушными компьютерными играми и приходившие в неопиcуемый восторг, когда мозги противника узором разбрызгивались на пиксельные стены.

Моими собеседниками и друзьями стали книги.

Александра Маринина, Татьяна Полякова и Полина Дашкова в темно-синей серии «Детектив глазами женщины». Темная серия книг Анны и Сергея Литвиновых. Чуть позднее к ним добавились строго-черные книжки Татьяны Устиновой...

Так, стоп. Конечно же, я читал и хорошо знал произведения классиков. Алексин, Дефо, Верн, Стивенсон. Естественно, был среди них Пушкин, которого я ненавидел всеми фибрами души и считал откровенно переоцененным талантом, были Тургенев и Гоголь. Но классика – это всегда обязателька. Гораздо приятнее плод запретный.

Я прочитывал взрослые, детективные книги в том уголке между кроватью, тумбочкой и окном, от которого зимой веяло холодом, а в батарее кто-то жалобно стонал. Иногда отправлялся в небольшой книжный магазин на углу улиц. Тогда еще не было этих огромных книжных гипермаркетов, где можно было потеряться и бродить целый день, не помня ни о чем. Мой первый книжный магазин был совмещен с магазином канцелярских принадлежностей, затрапезным ателье фотоуслуг и еще более затрапезным прилавком с продажей головных уборов, сшитых словно для фильма ужасов. В книжном отделе было всего десять полок взрослой литературы и три полупустых детской, центральную часть которых занимал «Гарри Поттер». С противоположного стеллажа на него преданно смотрела серия романов о Тани Гроттер.

Здесь же рядом стоял лоток с детективными романами в мягкой обложке. Самые доступные и дешевые книги. Большая часть публиковалась в серии «Черная кошка». Даже сейчас разбуди меня ночью, и я перечислю все имена авторов, которые там были – от Марины Серовой до Николая Леонова.

Я редко покупал там книги, и вовсе не из-за отсутствия денег. Мне достаточно было просто с интересом покопаться в лотке, просматривать названия, читать содержание и первые страницы. Иногда я просто перебирал книги, получая от этого наслаждение. Периодически меня гоняла невысокая продавщица с чересчур строгим взглядом и неприметной короткой стрижкой.

– Мальчик, книгу закрыл и положил обратно, детская литература за колонной у окна.

В такие моменты мне становилось неприятно. В ногах появлялась еле уловимая дрожь. Примерно такая же была при вызове к доске в школе, особенно когда я не знал материала или представить не мог, как решить злосчастное уравнение с кучей неизвестных.

– Меня мама попросила купить ей детектив, – отвечал я, стараясь унять дрожь в голосе.

Продавщица нависала надо мной своим авторитетом, морщилась и отходила в сторону, все равно продолжая пристально наблюдать за мной. Скорей всего, она боялась, что я сворую книгу. Интересно, почему я, при своем интеллигентно-запуганном виде, производил впечатление не ботаника, а воришки?

Со временем моя страсть к детективам стала известной и родителям. Возразить они ничего не могли, хотя и находили такую литературу не очень-то подходящей для подростка. Тем более среди детективов начала нулевых годов зачастую попадалась откровенная чернуха – наркотики, проститутки, бандиты и прочие прелести лихой жизни тех лет.

К родителям часто приходили гости, а среди них были сплошь читающие интеллигенты – врачи, учителя, инженеры. Все, как назло, неизменно спрашивали меня, что я сейчас читаю. Если им везло, я говорил, что штурмую очередное произведение из списка школьной литературы, например, «Шинель» Гоголя или «Таинственный остров» Жюль Верна. Если им не везло, а не везло им частенько, я становился источником откровений о современной детективной литературе.

– Что у тебя за книжка? – спросила меня как-то Анита Федоровна, подруга мамы и учитель младших классов, заведя в моих руках синюю книжку в мягкой обложке.

– Анна Малышева «Стриптиз перед смертью», – выпалил я на одном дыхании. – Хотите, прочитаю отрывок?

Я обожал читать вслух. При упоминании детектива Малышевой, мама вздрогнула, Анита Федоровна напряглась, папа предусмотрительно ретировался на кухню, где начал откровенно громко греметь посудой.

– «Ты говно, – заорал на него следователь. – Я из тебя кишки выпущу и на стул намотаю!» – принялся я декламировать любимый отрывок романа, который произвел на меня в те годы неизгладимое впечатление.

Аните Федоровне оставалось бесшумно ахнуть. Потом она явно выговаривала маме, что она совсем не так воспитывает сына.

– Ты бы лучше математикой занялся, ты посмотри, как учишься – сплошные тройки, – выговаривала мне мама. – По физике что?

По физике все было плохо.

– А химию ты сделал?

С химией дело обстояло еще хуже. В физике был какой-то никакой теоретический материал, который я мог тупо заучить и также тупо, с откровенно тупым выражением лица, продекламировать у доски, получив из гуманистических соображений (иначе говоря, жалости к скудомным) вялую четверку. Химия же представляла собой сплошной набор бессистемных (для меня) уравнений, странных (опять же для меня) символов и еще более странной и ненужной (вновь исключительно для меня) потребности уравнивать химические уравнения.

Я не обижался на одноклассников, втихаря считающих меня идиотом, и именно поэтому не общавшихся со мной. Учителя и те считали меня крайне средним учеником, без перспектив, со странностями. Что и говорить, а за все десять лет учебы меня никто не пригласил на день рождения или вечеринку.

Наверное, в те годы на ум впервые пришло осознание – неужели я совсем бездарь? Каким-то талантом природа меня должна была наделить? Взгляд упал на книгу Марининой. А почему бы не попробовать написать собственный детектив?

Так и появилась эта моя сумасшедшая идея стать писателем.

– Ты пытаешься писать взрослые книги, а у тебя не получается, – сказала мама, прочитав мой первый опус. – Пиши про то, что хорошо знаешь.

– Например? – не понял я.

Мама пожала плечами. Позади в кресле папа, читая новый роман Дарьи Донцовой, тогда только восходившей на небосклон писательского успеха, устало вздохнул. Блеснули стёклами его очки.

– Фантастику или фэнтези, – ответила мама, не дождавшись участия отца в литературоведческом разговоре о судьбе сыне. – Там нет никакой привязки к реальности. Ты сам себе хозяин. Делаешь, что хочешь и как хочешь.

Все было бы хорошо, вот только фантастикой я не интересовался.

Никто из близких мое увлечение детективами и мое же собственное сочинительство все-рез не воспринял. Все считали, что не следует заниматься учебой, а не марать бумагу каракулями (да-да, в те годы у меня еще не было персонального компьютера). А я с каждым годом все больше ненавидел естественные науки, и моя ненависть тихонько переползала на всю школу.

Приехав на летние каникулы к деду, я решился показать ему написанный рассказ, в слепой надежде, что старшее поколение оценит потуги молодежи к творчеству. Дед, со спущенными на нос очками в старинной роговой оправе, медленно прочел творение, покачал головой и отложил от себя мою толстую тетрадь:

– Почему родители разрешают тебе заниматься такой писаниной? Это же форменный ужас!

К концу учебы у меня в аттестате выходило шесть троек. Анита Федоровна считала, что меня ждет тихая, но весьма успешная карьера районного дворника.

– С такими познаниями в математике, он не поступит ни в один вуз, – вынесла она вердикт моей маме. В ушах учительницы до сих пор стоял мой пересказ про следователя, готовящегося выпустить кишки подозреваемому.

Мама тихо переживала, папа вслух сокрушался, в кого я вырос в такого обалдуя. От этих заявлений градус сжигающей ненависти к естественным наукам в моем сознании достиг своего апогея.

Однако в вуз я поступил. Математику вместе с химией и физикой, а также серое трехэтажное здание школы, тонущей в зарослях дикой яблони, забыл, как страшный сон. В лету кануло и пророчество Аниты Федоровны относительно работы дворника.

В двадцать лет, учась в вузе на журналистике, я написал наконец-то более-менее стоящий детектив. Взрослый. Потому что и сам к тому времени уже стал взрослым. Ну, во всяком случае, мне так наивно казалось. Я отправил текст в одно из издательств. Мне не ответили. Отправил в другое – получил отказ. Перейдя по алфавитному порядку все существующие издательства, и встречая либо отказ, либо равнодушное молчание, я плюнул (на себя, не на издателей) и принялся за следующий роман. Графомания болезнь неистребимая.

Роман под номер два постигла та же участь. Странное дело, к отказам, к критике я был готов и воспринимал это как нечто само собой разумеющееся. В голове стоял пример Джоан Роулинг, которой отказали то ли тридцать, то ли сорок издательств. Где сейчас те отказники и где Роулинг? Пьет свой английский чай с молоком в большом дворце и сочиняет очередной бестселлер о Страйке и Робин.

Крупные издательства по-прежнему игнорировали опусы молодого автора. Технологии самиздата с доступом к многомиллионной аудитории посредством крупных порталов и онлайн-маркетов тогда еще не было. Да и в самиздате успешными оказываются единицы, к сожалению, из-за большого объема публикуемых работ роман любого автора может оказаться погребенным в безвестной братской могиле. А издательствам, из-за огромного обилия открывенной графомании, на таких сервисах все сложнее находить для себя не то литературные бриллианты, а хотя бы более или менее стоящие работы. А особо впечатлительным редакторам, стоит зайти на сервис самиздата и увидеть в топе произведение с названием «Пусти меня по кругу», где на обложке изображена полуголая девушка с томно закрытыми глазами, и вовсе хочется обходить подобные сервисы стороной.

Я причислил себя к лику графоманов-мучеников, страдающих от нераздельной редакторско-издательской любви, и почти смирился с тем, что либо не буду писать вообще, либо буду писать исключительно в стол. Не писать я не мог, бумагомарательство стало сродни алкогольной зависимости, поэтому я тихо кропал очередной шедевр на компьютере и сохранял в папку.

И тут в стране, на мое счастье, появилось новое издательство «New House Publishing». Изначально новое издательство помогало переводить и продвигать наших авторов в Европе и Америке, чему мало уделяли внимания или, как правило, не уделяли вовсе остальные игроки рынка. Но еще оно обладало очень важным козырем – публиковало авторов дебютантов. Искало новые работы, принимало, редактировало и доводило до ума. Им было неинтересно останавливаться на покупке прав уже готовых бестселлеров из списка New York Times и Amazon, с готовыми рецензиями из западных изданий и шумихи в прессе и соцсетях. Тем более в ряде случаев (а на мой взгляд, в большинстве) под такой громкой рекламной компанией скрывались откровенно проходные вещи. Редакторы «New House Publishing» хотели находить крутые работы у себя в стране и делать из них бестселлер сначала на просторах России, а потом и в зарубежных странах. Как только на их сайте я увидел форму отправки рукописей, то, трясясь, загрузил свой последний написанный роман и принялся ждать ответа. К отказу я был готов и здесь.

Если откажут, я больше не сяду и не напишу ни строчки, с некоторой обидой подумал я, отвернувшись от компьютера и глядя на свой книжный шкаф, ломившийся от книг. Вдобавок к Марининой, Дашковой, Поляковой, Абдулаева и других российских детективщиков, туда постепенно добавлялись скандинавские, британские и американские авторы.

Открывая очередной покупной роман, я надеялся, что когда-то, где-то и кто-то также будет открывать мою книгу на другом краю земли, а некто другой с нетерпением ждать выхода или перевода очередного романа.

К моему удивлению, «New House Publishing» ответили. Романом заинтересовались и решили опубликовать после минимальной редакторской правки. Мне пришлось взять билеты и прилететь в Санкт-Петербург, где располагался офис издательства, для заключения договора. Разговаривала со мной милостивая и очень молодая редакторша. Я был молод сам, но она явно родилась на этот свет позже меня.

– Виктория Евгеньевна, – представилась она мне, блеснув стеклами очков. Улыбка у нее была американская – во все тридцать два белоснежных зуба. От их блеска и отражения бликов очков, и того сладкого ощущения, что меня наконец-то издадут – мои глаза едва не заслезились.

– Вас зовут Роман, – сказала она, рассматривая мое распечатанное сопроводительное письмо, которое я отправил им вместе с опусом. – Фамилия Вербицкий. Роман Вербицкий.

Она по-разному посмаковала мои имя и фамилию, глядя куда-то в потолок, словно надеясь там найти решение проблемы. В надежде, я перевел взгляд туда же. Вместо покрытия над офисом было натянуто полотно, изображающее залы старинных библиотек, отчего в помещении было темно, и даже бессмысленно понатыканые светильники не спасали ситуацию. Что и говорить, офис издательства обставлен человеком с безобразным вкусом.

– Вам не нравится мое имя? – наконец спросил я, опустив взгляд от полотен.

Виктория замотала головой.

– Нет, имя как раз хорошее. Такое... мужское. И литературное. Но я не вижу фамилию на обложке книг. Тем более есть автор Валерия Вербина. У вас похожие фамилии. Надо нечто уникальное. А как насчет фамилии Агатов?

Не знаю, откуда эта фамилия пришла ей на ум. Вернее, знаю. Странно, что она так быстро все придумала.

– Ну, – пробормотал я, но спорить не стал. Когда издательство решают издать твою книгу после стольких отказов, ты готов хоть с моста прыгнуть. А любые дискуссии боишься начи-

нать, опасаясь, что редактор укажет тебе на дверь, а твоя нетленка полетит в мусорную корзину к чайным пакетикам.

Так я стал Романом Агатовым. Восходящей звездой российской детективной литературы.

Через пять лет двум моим книгам присвоили статус бестселлеров. Круто? Да нет, не особо. Корона на голове у меня не появилась. Самооценка осталась на прежнем уровне. И в то же время я стал ненавидеть все написанное мной. Каждый раз мне казалось, что мог написать лучше, интереснее.

В двадцать пять, сразу после заключения договора с издательством, я познакомился с моей будущей женой.

До сих пор не знаю, чем я ее заинтересовал. Я был парнем откровенно не ее круга. Кристина – энергичная, веселая, дико сексуальная спортсменка с непослушными волосами. И я – писатель, пока еще неизвестный, с туманными перспективами, с полным отсутствием мускулатуры, шарахающийся от шумных компаний и клубов, до сих пор веривший в привидения и до глубокой ночи марававший бумагу в ходе сочинительства нового романа.

Наши отношения развивались чересчур стремительно. Еще вчера мы познакомились на одном совместном мероприятии, на завтра уже встретились в первый раз, через пару дней она пришла ко мне домой. Я заказал еду из ресторана, и мы почти до полуночи сидели среди горы картонных боксов с едой, к которой в итоге почти не притронулись, и разговаривали обо всем на свете.

Почему-то у меня было скабрзное ощущение, что вечер закончится сексом. Мысленно я благодарил судьбу за то, что на днях поменял постельное белье. В пошловатых мыслях вспоминал срок годности презервативов, в одиночестве ждавших своего часа где-то в квартире.

В итоге ничего не случилось. Она довольно внезапно засобиралась домой. Мне же запоздало в голову ударило выпитое нами каталонское вино.

– Я бы предложил тебе остаться у меня, но это предложение звучало бы чересчур пошло, да? – промямлил я, наблюдая как она одевается в прихожей моей однокомнатной квартиры.

Надев кроссовки, Крис подняла свои голубые глаза, посмотрела на меня и серьезно ответила:

– Да, конечно.

Потом мы шли к ней домой – она жила через несколько кварталов от меня – и продолжали наш треп обо всем на свете, а сверху на нас издевательски глядела романтическая луна в окружении россыпи одиноких звезд. Я проводил ее до подъезда, приобнял и пошел домой.

Ночью мне пришло сообщение.

Ну ты, блин, и трус. Даже не поцеловал.

Я обиделся. Трусом себя не считал точно. И тем более никто, кроме меня, не знал о подсознательном ощущении того, что вечер с бутылкой крепкого вина найдет свой логичный эпилог в постели. Все-таки двое молодых людей. У обоих никого не было. Я же не помнил, когда последний раз раздевал девушку. Те презервативы явно пропустили конец своего срока годности.

Я и не хотел тебя целовать, но мечтал, что ты останешься на ночь. Но это действительно было бы чересчур неприлично.

На следующий день мы переспали. Через три месяца поженились.

После двух лет совместной жизни и гонимых от продажи моих книг и экранизаций, а по совместительству еще и работе сценаристом сериалов на телевидении, мы смогли позволить купить трехкомнатную квартиру, причем в том же доме, где изначально располагалась моя маленькая квартирочка. Тогда же в дом переехали Сергей и Света – они стали нашими новыми соседями с седьмого этажа. Мы быстро с ними подружились и вскоре стали чуть ли не каждые выходные проводить вместе. Ездили за город на выходные, летали в Турцию в отпуск.

У меня была хорошая жизнь. Жена, дом, растущая известность, какой никакой талант, прекрасные друзья. Что еще надо для счастья?

В середине лета друзья сказали нам, что готовятся стать родителями. Радости нашей не было предела. Света мечтала о двойне.

– Пора бы и нам позаботиться о малыше, – сказала мне Кристина.

Я очень хотел стать отцом. Именно маленького, радостного человечка в нашей жизни так не хватало, чтобы окончательно стать полноценной семьей. Ведь был дом, и где-то росло посаженное мной дерево. И не было ребенка.

А потом, в августе, Сергей и Света поехали в отпуск.

– В Краснодар? На машине? – переспросил я удивленно. – Но почему? Ведь удобнее самолетом.

А про себя думал – как же так, Света беременная, и тут такая долгая дорога.

– Мы просто хотим посмотреть страну, – ответил Сергей.

Они долго собирались. Мы с женой помогли даже стаскать многочисленные вещи в их машину. Затем стояли у окна и видели, как они отъезжают. Накануне я заметил, что друзья были будто чем-то обеспокоены. Я так и не понял – что именно произошло? А может, мне показалось?

– Слушай, я их сфотографирую, – зачем-то сказал тогда я и щелкнул камерой телефона. На снимке остались машина и радостное лицо Сергея за рулем. Фигура Светы тонула в отблесках солнца на лобовом стекле.

– С чего ты вдруг решил их сфоткать? – засмеялась Кристина.

– Не знаю, вернутся из отпуска – покажу им фотографию. Какие они счастливые. Все ведь только начинается.

Но фотографию я не показал. И из отпуска Света и Сергей не вернулись. Как гласило заключение протокола с места происшествия, Сергей почти вдвое превысил скорость, не справился с управлением и вылетел на встречную полосу прямо под гигантскую фуру. Единственное целое, что осталось от их машины – три колеса, разбросанные по шоссе. Четвертое улетело или укатилось в неизвестном направлении и сейчас явно лежало где-нибудь в лесу или овраге.

Так погибли наши единственные друзья. Кроме них последнее время мы в общем-то больше не с кем и не общались.

А затем погибли и наши отношения с Кристиной. Мы разошлись, пусть и остались друзьями. Я даже продолжил носить обручальное кольцо.

– Знаешь, что я думаю, – сказал я самому себе. – Ваш брак с самого начала был обречен. Ну не может такая девушка, как она ужиться с таким занудой, как ты.

Я еще долго разговаривал сам с собой, и почему-то казалось, что я медленно начинаю сходить с ума.

Вполне возможно, так и было.

– Сраный писатель-детективщик, – сказал я сам себе. – Никому не нужный.

Так я остался один. Как назло, все знакомые в моем окружении и даже среди соседей моего дома не были одиноки, как я. У всех уже имелись семьи, росли дети. Они вместе уезжали на праздники, в отпуск, праздновали дни рождения в тесном семейном кругу. Глаза их искрились счастьем. Я приходил домой, стараясь проходить мимо этих счастливых пар, садился за ноутбук и начинал новую вещь, которую с нетерпением ждали в издательстве.

Иногда на меня накатывала тоска, от которой хотелось лезть на стены. Я обдумывал, когда именно жизнь пошла не так. В чем причина? Авария и гибель лучших друзей? Изначально неправильный выбор, когда я решил жениться на Кристине? Или мое писательство вовсе не то, чем следовало бы заниматься? От таких мыслей можно было рехнуться. И если бы не работа, возможно, действительно бы сошел с ума.

Помимо сочинения детективных историй или написания киносценариев, я преподаватель университета. Более того, кандидат филологических наук. Удивлены? Если да, то здорово. Люблю удивлять читателей. Если же нет – мне в общем-то все равно. Это ведь не самая главная изюминка моей истории.

Закончив учебу на факультете журналистики, я не планировал дальнейшее образование. Перспектива стать вечным студентом меня несколько пугала. Но работы не было, а переезжать в поисках теплого местечка в другой город было лень. Путь на радио или телевидение оказался для меня закрыт, в виду отсутствия блата. Газеты в те годы начали умирать медленной смертью. На горизонте вновь призрачно замаячила перспективная работа районным дворником с соцпакетом в виде бесплатного обеда в столовой и отдыха в санатории «Березка» дождливой уральской осенью.

Был и другой вариант. Учítывая, что я закончил вуз специалистом, у меня была возможность поступить в аспирантуру минуя магистратуру. Это стало моим спасением.

Я с легкостью поступил на бюджет по направлению «Сравнительного литературоведения», тем более желающих грызть гранит филологической науки оказалось меньше, чем бюджетных мест. Тема диссертации оказалась предопределена моей литературной деятельностью. Сравнить тем самым литературоведением я собирался именно детективы.

– Я бы хотел написать диссертацию о детективном жанре, – сказал я научному руководителю, чем едва не вызвал у него сердечный приступ.

– Вас заклюют за такой выбор, – попытался вразумить меня он. – Детектив считается низким жанром литературы. Вы представляете, что скажут вам профессора, читающие в этих стенах лекции о Бунине, Тургеневе, Толстом?

Я не представлял. Мне было плевать. А еще я знал, что некоторые университетские старцы, брезгливо размышляющие о новом романе Донцовой, считая ее литературной посредственностью, после отведенных своим заунывным голосом пар, тайком бегут рысью в соседний книжный и покупают новинку автора.

– Вот мы и попытаемся переломить эти штампы. Мы покажем, что нет плохой или низкой литературы. Есть плохие писатели. И плохие произведения!

Не знаю как у меня получилось, но я его убедил. Мы начали долгую, кропотливую работу. Так на свет появилась моя диссертация «Отражение действительности 90-х годов произведениях остросюжетного жанра». И одна из ее глав была посвящена анализу детектива как жанра. Когда я писал научные статьи, составлявшие один из базисов диссертационной работы, и отправлял их в научные вестники, все воспринимали исследование в рамках детективов и триллеров как насмешку над сутью и принципами науки. После того, как я первый раз опубликовался в «Вестнике» университета, ко мне подошли несколько преподавателей с нашей кафедры. Взгляд их не скрывал отвращения.

– Вы же понимаете, что при всей новизне вашей работы, никто никогда не согласится с утверждением, что детектив – это точно такой же качественный литературный жанр, ничуть не уступающим, допустим перу Достоевского.

– Давайте посмотрим с другой стороны, – нагло парировал я, видя в глазах старших преподавателей нарастающий гнев. – «Преступление и наказание» – о чем?

В тот момент меня хотели убить.

– О преступлении, как следует из названия, – не останавливался я, отдавая себе отчет в том, что рою собственную могилу в стенах университета. – Можно ли его назвать детективом? Отчасти да. Психологическим триллером? Абсолютно точно. Что такое «Коллекционер» Фаулза? Типичная история о сумасшедшем маньяке. Но это признанная классика. А рассказы Эдгара Аллана По? «Женщина в белом» и «Лунный камень» Коллинза? Почему современные произведения, написанные в жанре детектива или психологического триллера, не могут считаться точно такой же будущей классикой?

Когда я опубликовал следующую статью «Преступление и наказание» как образец психологического триллера», со мной перестали разговаривать. Я превратился в преподавательского диссидента.

На защите, на удивление, все прошло спокойно. Диссертационный совет прекрасно понимал, что даже отъявленных любителей классики, преподающих о высоких началах поэзии Пушкина и Лермонтова, с трудом можно оторвать от нового романа Марининой или трилогии того же Стига Ларссона. А часть седовласых преподавателей, заседавших на совете, и вовсе слушали меня, уставившись в газету, и через минуту вряд ли могли вспомнить то, о чем я дрожащим от волнения голосом вещал с кафедры.

Когда я уже стал популярным писателем и продолжал преподавать на кафедре, меня неожиданно вызвала завкафедрой. Лариса Павловна была фантастически крупной и фантастически красивой женщиной. Роскошные светлые волосы прядями обвивали ее могучее тело. Она была заядлой курильщицей и беспощадно прокурила всю кафедру и наш закуток на втором этаже, где располагались помещения филфака. Павловне приписывали роман с ректором.

Когда она пригласила меня для беседы, уже приближалось лето. В окна университета било весеннее уральское солнце. В помещениях было жарко, а на улице, на удивление, стоял холод, да такой, что зуб на зуб от ветра не попадал.

Я сел напротив ее стола, вдыхая жгучий аромат духов, перемешанный с убийственным чадом табака.

– Ты же известный писатель, – сказала она, глядя на меня в упор, словно я был подозреваемый, а она – следователь.

– Не такой уж и известный...

– Не надо, – одним взмахом руки Павловна пресекла мое самоунижение. – Я читала отзывы, я видела тебя на первых местах в списках самых покупаемых книг. Ты потеснил Донцову.

Смещение Донцовой с первых мест самых продаваемых книг для меня по-прежнему оставалось тяжким преступлением. Мне оставалось испытывать жуткое чувство стыда.

– Это пока может сойти за случайность, – вяло попытался оправдаться я, а сам гадал, куда же клонит моя очаровательная завкафедрой. Мол, тебе, писателю-детективщику, не место на кафедре литературы, где изучают высокие отношения в произведениях Мопассана и Золя? Где «Преступление и наказание» Достоевского единственный настоящий триллер, а все остальное лишь бумагомарательство ничтожных графоманов современности?

Все оказалось гораздо сложнее.

– Интерес к литературе падает, – вынесла вердикт Лариса Павловна и, не обращая на мое присутствие никакого внимания, достала из ящика стола пачку, ловко выудила оттуда сигарету и, с нескрываемым блаженством, закурила. Комнату заполонил тягучий аромат дешевых сигарет. К моему горлу по очереди подступили кашель наперегонки с тошнотой. – Никто сейчас ничего не читает. Даже комиксы. Раньше хоть «Гарри Поттера» читали, а нынешнее поколение...

Она махнула рукой и печально уставилась в окно на сиреневую громаду оперного театра. Я в ожидании молчал, боясь закашляться от смрада табака. Удивительное обстоятельство – Павловна дымила как паровоз, но при этом у нее был мелодичный нежный голос, и она ни разу не кашляла. В то время как другие курильщики сипели прокуреным голосом и периодически заходились в кашле, от которого чуть ли не сгибались пополам.

– Понимаешь, Рома, детективы ведь и те мало читают, – она пожала плечами. – Книга становится роскошью. Не только из-за сумасшедших цен. Нет, книга превращается в интеллектуальную роскошь. Знаешь, есть такое выражение – те, кто читают книги, будут всегда управлять теми, кто смотрит телевизор.

Я согласно кивнул. Выражение, на мой взгляд, казалось глупым и нереалистичным. Завкафедрой подтвердила мои мысли.

– Идиотское выражение, правда? Посмотришь на некоторых начальников, что у нас в вузе, что в администрации города. Господи, да они по слогам с бумажки иногда читают, а из прочитанного, наверное, только Чиполино.

Она вновь махнула рукой куда-то в сторону окна и грустно вздохнула. На кафедре повисла тоскливая тишина, проводимая в мыслях о туманных судьбах будущего. Портрет Чехова на стене явно готовился заплакать.

– Студентов надо привлекать к чтению, Роман.

– Это очень сложная задача, – пробормотал я.

– Но ее надо реализовать.

Павловна затушила сигарету об тарелку, оставшуюся от замызганной кофейной пары. Пепельницы на кафедре не было, и ее почетную роль играло облезлое несчастное блюдце.

– О ком идет речь на лекциях наших преподавателей по литературе? – спросила она. Вопрос носил риторический характер, потому я молчал, ожидая продолжения речи. – Один преподает Бодлера, Гюго, Шиллера, Гете и Байрона. Другой вещает спящим студентам о религиозности Достоевского и Толстого, юморе Чехова и сатире Салтыкова-Щедрина. А эти обороты с айфонами разве читают произведения?

– Хотелось бы верить.

По правде говоря, я не верил. Но все же решил поднять боевой настрой двух филологов. Хотя если я появлялся где-нибудь в общественных местах с книгой в руках, а не гаджетом, на меня смотрели как на душевнобольного.

Павловна оказалась куда более категоричной.

– Да ни хрена они не читают! Находят в сети краткое содержание и успешно сдают тесты, либо пишут экзаменационные работы. На литературу надо взглянуть с другого угла.

– С какого же?

Она посмотрела на меня. Глаза ее светились надеждой, будто бы я был тем спасителем литературы.

– Начни читать курс остросюжетной литературы на кафедре. Мы его представим сначала как спецкурс для магистрантов, а потом, со временем, введем в учебный план. Обязательное условие, чтобы в списке литературы для курса были не только современные образцы чтения для любителей пощекотать нервы, но и классические шедевры.

– Например? – по первому пункту у меня вопросов не было. Я уже представлял в списках для чтения романы Марининой, Дашковой, Абдулаева, Леонова, и еще представлял лица преподавательского состава. Особенно тех язвительных преподавателей с кафедры романо-германской филологии, смотревших на меня, как на жидкое говно, вдруг оказавшееся посреди комнаты.

– Фаулз и его «Коллекционер». Уилки Коллинз с «Лунным камнем». Тот же Диккенс «Тайна Эдвина Друда».

Диккенс всегда навевал на меня скуку. При одном звуке его фамилии, я едва не зевнул. Павловна заметила мой скепсис в отношении английского автора.

– Понимаю, Диккенс скучен до безобразия. Но он написал знаковые произведения, в том числе из мира детектива.

Удивительно, но завкафедрой разделяла мое мнение.

Так я вышел из ее кабинета с авторским курсом. К концу недели написал методичку, составил курс для обязательного прочтения и выполнения самостоятельных работ. Она была благодушно воспринята Ларисой Павловной, которая утвердила ее сразу, без внесения хоть каких-либо замечаний. И вызвала нездоровый скепсис и еще более нездоровое обсуждение среди остального профессорского состава кафедры.

– Преподавать Маринину и Фаулза в одном курсе – это конечно сильно, – сказал пожилой преподаватель, читавший зарубежную литературу двадцатого века. Его глаза жутко косили. Вне зависимости от того на каком расстоянии ты от него находился, всегда казалось, что один из его глаз наблюдает за тобой.

Я отмалчивался. Никто не знал, что программу я писал на кафедре, в окружении полок, где стояли старинные экземпляры журнала «Иностранная литература», рядами строились собрания сочинений Бальзака, Золя, Твена, Мопассана и Фолкнера. Пожилая профессура, одетая в героев, словно сошедших со страниц произведений Диккенса, сидела за соседним столом, скучно пролистывая очередной номер университетского вестника. И в окружении всего этого классического окружения, я, словно готовя демарш, сидел и кропал курс детективной литературы – от Агаты Кристи и Чейза до Гиллиан Флинн и Джона Маррса, от Николай Леонова и Братьев Вайнеров до последних романов Донцовой, Михалковой и Марининой.

С начала осени курс вызвал бурную реакцию на всем факультете, а следом и в университете. Часть преподавателей меня прокляли. При этом отбоя от студентов не было. Курс оказался обречен на то, чтобы стать частью основной программы.

Но еще он стал первой частью моей детективной истории.

ГЛАВА 2

Я, следователь²

Вторая часть истории могла начаться примерно так – я шел по аллее, укрываясь от палящего солнца. С крыши высотного дома спускалась люлька с рабочим, моющим окна лоджий. За его передвижениями внимательно наблюдал один из жителей, равнодушно взиравший на все вокруг со своего балкона. Впереди меня шла пожилая женщина, которую я, пусть и идя медленным шагом, все равно нагнал. Она курила дешевую и очень вонючую сигарету, чей дым буквально отравлял свежий воздух уличного пространства. Рядом, на парковке, в праворульном «Ниссане», сидел усатый водитель, отчего-то грозно посмотревший на меня. Вряд ли мы были знакомы, и я вообще когда-нибудь и где-нибудь его видел. Хотя вполне возможно он узнал меня по фотографии на обложке книг, или слышал мое очередное интервью на телевидении и прессе. Чем-то я не угодил ему. Вопрос чем? В руках злодей держал фонарик из стали.

Обогнав дымящую старуху, я дошел до перекрестка улиц, где пропустил пролетевший на мигающий сигнал светофора трамвай. Вагоны состава были старенькие и жалобно дребезжали, подсакивая на дорожных ухабах. Здесь же на углу дряхлый дедушка, едва стоявший на ногах, скрюченными от артрита пальцами раскладывал в старинные граненные стаканы только что собранную малину. Он явно собирался продать ее случайным прохожим. Проходившая мимо черноволосая девушка с тяжелыми пакетами внимательно посмотрела на меня и, кажется, улыбнулась.

Именно бы потом произошло что-нибудь странное. Ужасное. Мистико-фантастическое. Но эта история началась совсем по-другому.

Я проснулся, резко открыв глаза, разом стряхивая с себя ветхую пелену сна. За окном лил дождь, и гремела сильная гроза. Через большое окно комнаты видно было, как над городом нависли черные облака, выплевывающие на пустынные ночные улицы потоки воды. От грома, казалось, дрожали стекла в стеклопакетах. И пока ничего не происходило. Ни плохого, ни хорошего.

Середина мая. Пять тридцать утра. И над спящим городом всего на всего гремит гроза.

Могла ли сейчас где-нибудь по этим улицам, залитых нескончаемым дождем, миловидная девушка убегать от преступника, преследующего ее с целью убить? И никого нет вокруг, кто бы

---

² Детективный роман Аркадия и Георгия Вайнеров 1968г.

мог ей помочь. Большой город, почти два миллиона жителей, и ни одного прохожего, готового прийти на помощь.

Вряд ли. Так бывает только в триллерах. Но разве иногда наша жизнь не становится похожа на одну из его глав?

Я приподнялся в кровати, пытаюсь понять, приснилась ли та причудливая картина – курящая вонючими сигаретами женщина, бедный дедушка с ягодами, злодей из праворульного «Ниссана», миловидная брюнетка – или же я это все придумал для очередного романа, засыпая? А картинка просто отпечаталась в мозгу, слившись со сновидениями? Часто ложась спать и закрыв глаза, я обдумывал новые повороты сюжетов для очередной книги, которая находилась у меня в работе. Я успевал домыслить сцены, затем засыпал. Иногда они мне снились в очень ярких красках. Встав поутру, я записывал придуманное мной и дополненное сном.

Встав, я подошел к окну и выглянул на улицу. Она буквально тонула в реках воды. Тротуар был скрыт водой, невысокие деревья напротив нервно подрагивали от порывов ветра. На западе, за призрачными силуэтами высотных домов в туманном мареве дождя, небо продолжало раз в несколько минут озаряться ярко-синим блеском грозы.

Спать уже не хотелось, хотя лег я поздно и чувствовал, что совершенно не выспался. Работа над книгой начиналась у меня днем, или даже ближе к вечеру, а заканчивалась глубокой ночью. Иногда я ложился в четыре утра. Сегодняшняя ночь не стала исключением.

Я прошел на кухню, чтобы выпить воды. Обычно в это время уже светло, но сейчас из-за мрачных грозových облаков в квартире царила полутьма. Коридоры и комнаты освещались лишь заревом молний.

Вернувшись в кровать, я пробовал заснуть, но каждый раз мне мешали раскаты грома. Через час проснется весь дом, начнется шуршание, шум воды, звуки хлопанья дверей и пiski автосигнализаций во дворе. Каждый раз думал, чтобы переехать загород, и каждый раз меня что-то останавливало. Наверное, я просто не приспособлен для уединенной жизни. Тем более существование в центре большого крупного города, и такого большого муравейника как наш жилой комплекс, это неиссякаемый источник мыслей и вдохновения. Образы из твоих будущих произведений каждый день встречают тебя у подъезда, едут с тобой в лифте, живут в соседних квартирах. В некоторых соседях запросто можно уловить очертания маньяка для будущего триллера.

За размышлениями я не заметил, как вновь заснул. Но не раньше, чем стих гром, и комната перестала озаряться вспышками надоедливых молний.

Неожиданно мне приснился Сергей. После их гибели первые пару месяцев ребята часто приходили ко мне во снах, словно продолжали захаживать в гости. Они выглядели удивительно жизнерадостными. И поразительно живыми. Такими яркими я не помнил их и в реальности.

В этом сне я нес какой-то большой черный портфель и вдруг увидел Сергея. Рядом с ним гуляли его сыновья, которых в действительности у моего друга никогда не было. Парни были чрезвычайно радостные. Улыбался и сам Сергей.

– Как дела? – спросил я.

Во сне тоже было лето. И чувствовалось жаркое тепло лучей солнца.

– Все хорошо, – он улыбнулся.

Я повертел головой в разные стороны.

– А где же Света?

– Мы едем за ней, – он указал на свою машину – ту самую, превратившуюся в месиво после столкновения с фурой. На крыше возвышался спортивный велосипед.

– Удачи – сказал я.

И пошел к себе домой. Потом остановился, оглянулся. Они уже уехали. На деревьях пели какие-то дивные пестрые птицы. На душе мне неожиданно стало хорошо. Пусть все было оче-

редным сновидением, некой пеленой фантазии. Но это же состояние сохранилось утром по пробуждении.

Я открыл приложение с фотографиями на телефоне и нашел одну из последних фоток Сергея и Светы.

Как же я скучаю по вам ребята, с тоской, пусть и светлой, подумал я. Где бы вы сейчас не были *там*, если вы меня видите и слышите, знайте, мне вас очень не хватает *здесь*.

Хорошее послевкусие сна быстро развеялось, стоило зазвонить телефону.

Звонила Даша, мой литературный агент.

– Ты спишь? – она обходилась без лишних сантиментов. Ни «привет», ни «здравствуй». Лишняя трата времени. Тем более созваниваемся мы почти каждый день и такое чувство, что не расстаемся. Удивительно, что она до сих пор не стала моей любовницей, учитывая наше общее дело, одинаковый возраст и то, что оба мы безнадежно холосты.

Я устало глянул на часы.

По-прежнему середина мая. Девять тридцать утра. И я по-прежнему не выспался. Что за треклятая беспокойная ночь? Ладно хоть убийства не снились или маньяки, и на том, как говорится, слава небесам.

– Я не сплю, раз говорю. Или ты думаешь во сне у меня происходит раздвоение личности?

– Это вновь стало бы интересной художественной фишечкой, – язвительно заметила Даша, намекая на мой предыдущий роман «Два незнакомца», где центральной темой сюжета стало раздвоение личности главного героя. Виктория, причитав опус до конца, устало выдохнула: «опять эта банальная детективная психиатрия с раздвоениями личностями». Тогда мне казалось, что еще неопубликованный роман буквально искупали в жиже дерьма, оставшегося после больных дизентерией.

– Ты что хотела? Я бы не прочь еще поспать. Писатели рано не встают.

Девять тридцать утра для меня несусветная рань. День кажется ничтожным, если я не высыпаюсь. Или же отвратительным, если вынужден встать часов в восемь или семь. Ненавижу раннее утро. Утро для меня часов двенадцать дня, в то время как настоящая ночь начинается только после двух ночи.

– Я звоню напомнить, что у тебя скоро срок сдачи книги. И еще на днях я хочу организовать тебе визит на какое-нибудь радио, чтобы ты отрекламировал свою последнюю книгу.

В своем недавнем прошлом, во времена мимолетной, но бурной юности, Даша работала маркетологом. Когда Анна Орехова опубликовала свой первый детективный роман «Барселона. Под звуки смерти»³, я купил книгу и подарил ее Даше. Главная героиня романа, после аварии потерявшая слух, как раз работала маркетологом. Мой литагент с большим удовольствием прочитала ее и потом еще долго говорила, что в книге хорошо отражена атмосфера работы маркетолога.

Я заверил Дашу, что работа идет полным ходом, и против интервью ничего не имею. Возражать было бы небезопасно. Затем, попросившись с ней, сделал себе небольшой завтрак, запустил на планшете очередную серию сериала «Что сказал покойник», который я пересматривал спустя почти двадцать лет, и решил насладиться спокойствием, а затем подготовиться к лекции.

Что греха таить, студенты меня любили. Для них я был свой. Во мне не замечали той спесивости, которая присутствовала у многих преподавателей, в том числе с нашей кафедры и, в первую очередь, у молодых. Стоило им получить тот зыбкий статус препода высшего учебного заведения, да еще одного из самых престижных вузов нашего федерального округа, то над головой у них будто являлась невидимая корона. Ее ограненные шипы, как и глаза новоис-

---

³ Первая часть цикла Анны Ореховой, написанного в так называемом жанре туристический детектив, о маркетологе Веронике Ловкиной, потерявшей слух вследствие аварии.

печенных академиков, величаво взирали на молодые студенческие лица. Некоторые попросту взирали на студентов, как на засохшие какашки. Я же на всю эту помпезность высшего, мать его, учебного заведения плевал с высокой колокольни.

Майский Екатеринбург тонул в мареве аномальной весенней жары. Центр города, непривычно пустой в этот час, вместе с прохожими, автомобилистами, вереницами всевозможного транспорта – дружно изнывали от пекла. Казалось, сами тротуары раскалены так, что поставь на них кастрюльку с водой, она мгновенно начнет закипать. В такую погоду хотелось оставаться в двух местах – в собственной квартире, где даже без кондиционера было всегда прохладно (слава несолнечной стороне дома!), или в машине, где как раз благодаря кондиционеру оставалась комфортная температура.

Войдя в аудиторию и переведа дух, я глянул на студентов, зачарованно смотревших на меня. Каким качеством должен обладать хороший преподаватель? Таким, чтобы его лекции ждали с нетерпением, а не устало вздыхали, стоило ему появиться в аудитории.

Выдохнул, собрался с мыслями.

– Сегодняшняя наша тема – становление иронического детектива в российской детективной литературе.

А про себя подумал – ну надо же, я в стенах государственного университета с почти столетней историей, названного в честь великого Горького, рассказываю на курсе русской литературы о детективах Калининой и Донцовой.

Во время лекции я обратил внимание на последний ряд парт. Там вместе с остальными девицами сидела какая-то незнакомая девушка. Она была одета в строгий черный костюм и очки в толстой черной оправе. У нее были явно длинные волосы, темные и шелковистые, которые она забрала изящной заколкой в пучок на голове.

Не студентка, подумал я. Однозначно. Мои молодые слушатели так не одеваются. Но кто же это? Наверное, очередной корреспондент. Хотя вряд ли. С чего им идти на лекцию. Да и не похожа она на акулу пера, жаждущую взять интервью у писателя-детективщика. Скорей, агент. Возможно какое-нибудь модное диджитал-издательство хочет перекупить права на мои произведения или предложить опубликовать новый роман в электронной версии сначала у них, так сказать, эксклюзивно.

Однако все предположения оказались ошибочны.

Лекция закончилась, студенты рьяно заспешили к выходу, а я стал собирать разложенные бумаги с планом лекции и списком литературы, одновременно проверяя пришедшие уведомления на телефон. Незнакомка с последнего ряда медленно подошла ко мне. Она дожидалась, пока аудитория не опустеет полностью, и мы с ней останемся вдвоем. Я нагло не подавал виду, что мне есть до нее какое-то дело, а ее это, казалось, нисколько не заботило.

– Здравствуйте, Роман, – подойдя, произнесла она хорошо поставленным, твердым голосом.

Я равнодушно глянул на нее и отвернулся к телефону. Мои наглость и хамство бывают безграничны.

– Ну, рассказывайте. Кто вы такая и чего хотите?

Она хмыкнула, совершенно не удивившись моей грубоватой реакции.

– Значит, вы поняли, что я не случайно потерявшаяся на лекциях студентка?

– В первую же минуту. Вам надо было одеться поскромнее. Одежда красивая, только она выдает в вас человека совершенно иного круга. Вы забыли, что пришли на лекцию к автору детективов. Я такие нестыковки вижу сразу. Плюс ко всему вас выделяет чересчур внимательный взгляд.

– А разве все остальные студенты настолько невнимательны?

– Не совсем. Они в большей степени рассеяны. И выглядят свободнее, чувствуя себя в своей тарелке. А вот для вас окружающая обстановка не слишком типична.

Желая выдержать хотя бы малейшие приличия, я вернул свой взгляд к ее фигуре.

– Вы агент, я прав?

– Агент секретной службы, – улынулась она.

– Не понял?

– Я следователь отдела убийств екатеринбургской полиции. Александра Молотова.

И добавила:

– Теперь будем знакомы.

Она сказала это так, словно была ледоколом, врезавшимся в ненавистный ледник. Я, не сдержавшись, присвистнул.

– Чем же обязан?

Александра повернулась к двери, открытой в коридор, откуда звучал несмолкаемый гогот студентов.

– Нас здесь не побеспокоят?

– Не должны. Если в этой аудитории и должны быть занятия, думаю, сюда бы уже нагрянули студенты.

– Тогда давайте сядем.

Она закрыла дверь, обрубив все внешние звуки, и уселась на первый ряд. Я занял место около кафедры, внезапно почувствовав, как эта груда из дсп давит на меня. Мысленно проклянув все на свете, я решил взять инициативу на себя.

– Давайте развеем главный страх любого, к кому обращается следователь – меня в чем-то подозревают?

Молотова отрицательно качнула головой, не сводя с меня глаз словно с мишени. Я заметно расслабился. Хотя чего мне бояться? Ничего противозаконного я не совершал. Скорость и то не превышаю.

– Уже хорошо. И вам не нужны мои показания?

– Нет.

– Тогда я на седьмом небе от счастья.

– А вам есть чего бояться?

– Знаете, нашу великую поговорку? Не виноват, да виноват будешь.

Следователь хмыкнула и сцепила руки в замок. Видно невооруженным взглядом – обиделась, закрылась, злится.

– Хорошо же вы думаете о полиции.

– Сухая статистика, не более того. Так зачем я вам нужен?

– Вам знакомо название «Мне давно хотелось убить»?

Я думал меньше секунды.

– Если отбросить, что это не чье-то заветное и потаенное желание, смею припомнить такой роман у Анны Даниловой.

– Помните, о чем он?

– Это один из первых романов ее цикла о частном детективе Юлии Земцовой и маньяке, которого она собирается вычислить. Написан во второй половине девяностых.

Молотова удовлетворенно кивнула. Странно, но следователь даже не достала блокнота или телефона, чтобы вести какие-нибудь записи.

– Тогда следующий вопрос. Знакомо ли вам следующее название – «Никто не заплачет»?

Интересно, мы сейчас что – будем перебирать все знаковые произведения авторов российских детективов? Признаться честно, я устал, хочу есть и скорей оказаться дома. А следователь села и смотрит на меня как на подозреваемого в серийных убийствах, а вовсе никак на безобидного литератора.

– Разумеется и оно знакомо. Роман Полины Дашковой о жуткой московской банде грабителей, убивавших всех, к кому они вламывались ночью. Я его включил не только в лучшие романы, написанные писательницей, но и в обязательный список моего курса.

– Могу узнать почему?

– Ну, начнем с того, что он блестяще и увлекательно написан. Во-вторых, там великолепный главный антагонист. Один из лучших злодеев российской детективной литературы с хорошо прописанной личной историей становления преступника.

Я призадумался.

– Да, пожалуй, Сквозняк один из лучших злодеев вообще всей мировой остросюжетной литературы. Плюс ко всему, в романе прекрасно показано, какая чудовищная хрень творилась в нашей стране в девяностые годы. Криминал, невинные люди, страдающие от произвола распоясавшихся бандитов, бессилие следственных органов.

Александра скептически сморщила лицо.

– Да, но все книги определенного времени так или иначе отражают суть времени, о котором написаны. Девяностые – тяжелое время и большинство произведений, опубликованных в те годы, так или иначе несут на себе отпечаток происходящего.

Я кивнул. Мы что, планируем спорить об особенностях литературы?

– Кто-то в большой степени, кто-то в меньшей. В обозначенном вами романе, на мой взгляд, это сделано лучше, чем других, только и всего.

Про себя еще подумал – банальный субъектив, ничего личного. По сути, любой преподаватель любого спецкурса составляет список тех произведений, которые нравятся именно ему. Я вот никогда не понимал, с какой стати в ряд обязательных списков курсов зарубежной литературы попадало малоизвестное и совершенно проходное произведение Шатобриана? Или почему в списках по литературе XX века у Умберто Эко всюду пихают то самое «Имя розы», хотя все прочие его романы в разы гениальнее. «Имя розы» для меня обыкновенный детектив, задуманный при весьма садистском желании автора убить монаха.

Я размышлял о премудростях мировой литературы – а Александра, на удивление, молчала, периодически бросая на меня мимолетный взгляд. То ли обдумывала что-то, то ли высчитывала в уме, как дальше продолжить разговор. Я же по-прежнему демонстрировал полное равнодушие. Встань она сейчас и уйди, я лишь пожму плечами и с чувством выполненного долга отправлюсь домой есть и отдыхать, вскоре позабыв о ее визите.

Наконец, собеседница собралась с мыслями.

– Могу я рассчитывать на то, что сказанное мной, останется в этих стенах?

– И у стен бывают уши.

Она внезапно помрачнела.

– Я серьезно.

Опачки, шутить мы не любим. Что ж возможно, все на самом деле настолько серьезно, что мой юмор, перемешанный с нагловатым равнодушием, неуместен.

– В таком случае, можете.

– Произошло два убийства. В каждом случае около трупа нашли карточки. Догадываетесь, что там было написано?

Я догадывался. В одной было написано «Мне давно хотелось убить», в другой «Никто не заплачет».

И я был безмерно счастлив, что оба произведения написаны не мной.

Глава 3

Хроника гнусных времен⁴

---

⁴ Детективный роман Т.Устиновой, 2002г.

– Давайте по порядку, – сказал я после небольшого молчания, повисшего в нашей аудитории. – У вас два убийства. Вы считаете, что они связаны, так?

Она кивнула.

– И их объединили в одно дело?

– Нет. Убийство, по правде говоря, лично у меня одно. С карточкой «Мне давно хотелось убить». Об убийстве с карточкой «Никто не заплачет» мне рассказал мой коллега из Казани. Оно произошло там. Я запрашивала сводку по похожим происшествиям, после обнаружения первого трупа, и мне любезно сообщили об еще одном таком случае.

М-да, подумал я про себя. Это все весьма хреново.

– Убитые как-то связаны?

– Нет. Два совершенно разных человека, не знакомых друг с другом. Мне удалось навести справки. Единственное, что их объединяет – оставленные возле тел карточки с названиями книг.

– Следовательно, убийства до сих пор не считают серией?

– Именно. Их объединила я, а не следствие.

Она слегка самодовольно улыбнулась, а у меня настал черед удивляться обстоятельствам. Сколько не писал я криминальных романов, каждый раз узнавал совершенно удивительные и нелогичные истории о работе следственных органов.

– Почему?

Александра пожала плечами.

– Такие дела не всегда торопятся объединять в одно дело. Дело в том, что может иметь место банальное совпадение. Это раз. Два – бывает, что может работать подражатель. Прочел где-нибудь в интернете о странном убийстве с карточкой, и решил симитировать почерк убийцы. Такое бывает сплошь и рядом. Но самое главное, жертвы никак не связаны друг с другом, даже не были знакомы. Жили в разных городах

Она грустно вздохнула.

– Только я уверена на все сто процентов, что это самая настоящая серия. И этими двумя убийствами она не ограничится.

– Хотите сказать, что у нас, вернее у вас, появился маньяк, который убивает и будет убивать, оставляя возле трупов карточки с названиями известных детективных романов?

Молотова неуверенно, но все же кивнула. Однако же, хорошая реклама будет чтению и книгоизданию.

– И сколько людей надо поубивать, чтобы следствие догадалось о серии?

– Думаю, еще пару трупов и будет достаточно.

– Фантастика!

Я, раздумывая, глянул в окно, где в университетском дворе собирались стайки курящих студентов.

– Допустим серия, хорошо, а от меня что вы хотите?

Она улыбнулась. Улыбка у нее оказалась красивая. Всегда завидовал людям, которые умеют улыбаться красиво. Меня же любая улыбка безжалостно превращает меня либо в опасного психа, либо в городского сумасшедшего, потому на всех фотографиях я стараюсь сохранять серьезное лицо.

– Вы один из самых популярных авторов детективов в стране. Вы кандидат наук, который защитил диссертацию по теме детективной литературы. В своих соцсетях и интервью не раз упоминали о том, что прочли почти все, написанное в жанре детектива на нашей земле.

Она отбарабанила это таким голосом, словно обвиняла меня в уголовном преступлении.

– Все – это слишком громко сказано, особенно про количество прочитанной литературы. Но да, скрывать не буду, я действительно прочел многое.

А про себя я подумал – вряд ли можно прочесть все опубликованные романы Дарьи Донцовой и не сойти с ума.

Правда, кроме непосредственно чтения, я еще писал сценарии к экранизациям не только своих произведений, но и коллег по цеху. И это позволяло зарабатывать неплохие деньги в дополнение к своей писательской работе. Даже удалось скопить денег и купить себе дорогой внедорожник, о котором я мечтал буквально с детства.

Если кто не знает, работа писателя – работа низкооплачиваемая. По сути, она складывается из одной составляющей тиражи. Математическая формула проста – если у тебя большие тиражи и их мгновенно раскупают, а в год ты выпускаешь как минимум пару-тройку книг, то с деньгами проблем не будет. Дополнительно к этому права на экранизацию, гипотетическая работа в группе сценаристов. Вот оно, финансовое благополучие, как у большинства писателей в Европе и Америке. Если у тебя маленький тираж, то денег тебе хватит в лучшем случае на оплату коммуналки и скромного ужина для одного в ресторане. Ну, или же просто напиться пару раз от счастья. Мне в год удавалось написать две книги, которые расходились суммарным тиражом в сто тысяч экземпляров. Плюс шли проценты от продаж электронных и аудиокниг. Весьма неплохо. Дела шли бы еще лучше, публикуй я еще больше книг в год. Но я из тех писателей, которые предпочитают поработать над словом и сюжетом, стараются немного подумать, отшлифовать предложение, и только потом представить работу на суд читателей. Бесконечная гонка за публикациями, тиражом и условиями договоров с издательствами, убивает слог. Постепенно убивает и писателя.

Удивить читателя – вот, что еще важно. Написать тысяча первый роман про преступление в закрытой комнате несложно. А вот сделать сюжет таким, от которого в финале ахнет подавляющее большинство купивших эту книгу. Удивил – молодец. Не удивил – останешься середнячком, о книгах которого в скором времени забудут не только читатели, но и, что самое печальное, издатели.

Я вновь вернул внимание к Молотовой.

– Вы хотите, чтобы я вас консультировал?

– Неофициально, разумеется.

Она покопалась в сумке и достала распечатку.

– Это ваш список литературы для обязательного чтения по курсу детективного романа в этом университете.

Я оглядел знакомый список. Он, насколько я помнил, висел в методических рекомендациях на сайте кафедры.

Молотова несколько брезгливо повертела в руках лист бумаги с напечатанными там названиями произведений.

– И чтобы вам сдать зачет, студенты должны все это прочитать?

– Все никто и никогда из студентов не читает. Это настолько же невероятно, как существование на обратной стороне Луны пришельцев. По курсу зарубежной литературы, например, девятнадцатого века, любой студент должен познакомиться с определенным произведением Диккенса или Бальзака, прочитать «Фауста» Гете, знать от чего так отчаянно страдал Вертер. Так и по моему курсу студент должен иметь представление о мужской и женской криминальной прозе, их отличиях и схожестях, понимать, чем отличается иронический детектив от обычного, что такое психологический триллер. Поверьте, этот список книг, который у вас сейчас в руках, студенты читают гораздо охотнее, чем «Отверженных» Гюго или «Госпожу Бовари» Флобера.

Молотова внимательно слушала меня.

– По вашему признанию получается, что классическая литература, скучнее современной? И потому молодежь сейчас читает в лучшем случае комиксы и «50 оттенков серого», а в худшем – лишь посты в социальных сетях?

– Ну, то что молодежь осилила трилогию Э.Л. Джеймс – это уже хорошо. Все-таки три книги прочитать – большое дело. Важно то, чтобы через прочтение ширпотреба у них проснулся интерес к другой литературе. Настоящей. Чтобы они стали интересоваться чем-нибудь, кроме чартов в стримингах и новостей о пластических операциях певичек-однодневок. И если после «50 оттенков серого» они пойдут купить еще что-нибудь почитать, потом снова, а затем откроют для себя, например, творчество сестер Бронте – огромное за то спасибо похотливым Грею и Анастейши.

Александра указала пальцем в список.

– Значит, «Никто не заплачет» Полины Дашковой в списках оказался именно поэтому?

Сказано это было тоном, словно мне зачитали обвинительный приговор. Мастерство, однако, не пропьешь.

Я еще раз оглядел список, где были указаны отобранные мной произведения по части русской детективной литературы. Была еще вторая часть, зарубежная, но ее у Молотовой в настоящий момент не было.

Современный период

А. Маринина «Убийца поневоле», «Украденный сон»

П. Дашкова «Приз», «Никто не заплачет»

Д. Донцова «Сволочь ненаглядная», «Чудеса в кастрюльке»

Т. Полякова «Любовь очень зла», «Ангел нового поколения»

Ч. Абдулаев «Удар бумеранга» (все три книги цикл), «Кредо негодяев»

Е. Михалкова «Самая хитрая рыба», «Нет кузнечика в траве».

А. Леонтьев «Ключ к волшебной горе», «Трудно быть солнцем»

Т. Степанова «Ключ от миража»

В. Платова «В плену левиафана»

А. и С. Литвиновы «Осколки великой мечты».

Г. Щербакова «Скелет в шкафу»

А. Данилова «Саван для блудниц»

Т. Устинова «Хроника гнусных времен»

А. Молчанов «Газетчик»

Советский детектив

А. и Г. Вайнеры «Лекарство против страха», «Визит к минотавру»

Н. Леонов «Ловушка»

А. Адамов «Инспектор Лосев»

Классический период

В. Набоков «Отчаяние», «Король, дама, валет»

Ф. Достоевский «Преступление и наказание»

Н. Лесков «Леди Макбет мценского уезда»

Я вздохнул.

– У Дашковой, как видите, я для обязательного прочтения взял еще и второй роман «Приз».

– Почему оба?

– «Приз» интересен с исторической точки зрения. Она впервые ведет повествование в двух плоскостях – современном про убийцу Владимира Приза, и в историческом – времена третьего рейха. А вот у Анны Даниловой я взял не «Мне давно хотелось убить», как можете заметить, а «Саван для блудниц». Очень мощное, хоть и весьма жутковатое в физиологическом плане произведение.

– Чем же?

– Оно про школьников, в первую очередь девочек, которые уже в четырнадцать лет знали себе цену и торговали собой. С настоящими детьми они имели мало чего общего. Сейчас, читая о таком, сюжет может показаться несколько диким. Но если мы сделаем поправку на время, когда вышел роман, то понимаешь, что в те годы такое было в порядке вещей. Насколько ужасными они не казались бы сейчас.

Слушая меня, она продолжала внимательно просматривать список, больше ничего не говоря. Рассказ о прелестях романа Даниловой ее, кажется, совсем не впечатлил. Пробежав взглядом лист бумаги, Александра вернулась к теме:

– У меня нет полной уверенности, но я считаю, что убийства продолжаться. Интересно, какой роман убийца выберет следующим.

– Вы сказали, что произошло два убийства. Одно здесь, в Екатеринбурге, другое в Казани. Думаете убийца путешествовал?

Она никак не отреагировала на мой вопрос.

– Послушайте, может вы все-таки расскажете, как дело было. А то я из обрывков вашей информации так и не могу создать полную картину.

– Первое убийство произошло у нас. В середине апреля. Труп обнаружили случайно. Знаете, в каждом доме живут соглядатаи. Те, кто любит подсматривать за другими. Им не столько важна их собственная жизнь, сколько жизнь других. Кто с кем приходит домой и с кем встречается, у кого какая машина. Если есть возможность заглянуть в окна, они высматривают убранство квартиры – что висит на стенах, какая мебель, насколько чисто.

Я кивнул.

– Многие детективные романы построены на этом принципе. Соглядатайство...

В моей, не слишком здоровой фантазии, всплыл неромантический образ подглядывающего персонажа за соседями из дома напротив. А Александра, вновь сменив тему, ткнула пальцем в мой список:

– Я не взяла с собой, но помню, что вы не включили в список зарубежной литературы курса «Девушку в поезде» Хокинс.

– Не стал. Весьма слабоватая в детективном плане загадка и не очень оригинальный в плане сюжета роман. Убийцу я разгадал сразу, тем более персонажей там раз-два и обчелся, а первоначальный прием наблюдения за чужими был использован еще в фильме Хичкока «Окно во двор». Поэтому, что сам роман про девушку, что ее экранизацию, считаю скучными. И не понимаю, чего в свое время все так убивались по этому «бестселлеру». На мой взгляд, искусственно сделанная зарубежными издателями модная история. Точно такая же история получилась с «Женщиной в окне» Финн. На мой взгляд, еще более слабоватый роман, искусственно раздутый в бестселлер.

Про себя я помнил, что никто из персонажей так не раздражал меня столь сильно как алкоголичка и бездельница Рейчел⁵, когда я лет восемь назад знакомился с дебютным романом английской писательницы.

Александра терпеливо выслушала мои пространные рассуждения о книгах. Литератор среди знакомых, да еще от природы болтун – несказанное горе. Дождавшись, пока поток моих мыслей о соглядатаях в детективной литературе иссякнет, она продолжила, никак не отреагировав на упомянутые романы Хокинс и Финн.

– Итак, первый труп был обнаружен именно таким соглядатаем, словно сошедшим со страниц ваших любимых детективных книг. Женщина живет в двенадцатиэтажном доме, на восьмом этаже. Ей удается следить не только за соседями в доме, которым не посчастливилось жить со столь любопытной и наблюдательной особой, но и приглядывает из бинокля за соседним домом.

---

⁵ Рейчел – главная героиня романа Поли Хокинс «Девушка в поезде» (2015г.)

– Видимо ей совсем нечем заняться, – вставил свое словечко я.

– Скорей, это некая болезнь. Не думаю, что нормальный человек будет следить за другими. И вот она из бинокля видит на балконе дома напротив сидящего человека. Ей сначала казалось, что он спит. Да, в середине нынешнего апреля было очень тепло, но все же для сидения на балконе довольно прохладно. А этот человек довольно долгое время сидел, не двигаясь. Голова его была опущена на грудь. Прошло несколько часов, женщина вновь заняла свой наблюдательный пост, а мужчина по-прежнему там. В том же положении. Тогда она поняла, что ему скорей всего стало плохо.

– И вызвала скорую?

– Да, и полицию. Нужны оказались именно последние – мужчина уже давно был мертв.

– Как несчастного лишили жизни?

– Проломили затылок. До этого несколько раз ударили чем-то тяжелым по лицу. А затем вытащили на балкон и усадили на всеобщее обозрение. Рядом нашли карточку с печатными буквами «Мне давно хотелось убить».

– Кем был убитый?

– Директор логистического центра. Тридцать семь лет, не женат, в разводе. Детей нет.

– Подозреваемые?

– Врагов не было, махинаций тоже. Бывшая жена живет в Германии и похоже успела забыть о его существовании. Он вел обычную жизнь. Ничего примечательного. Скукота.

– А где именно была найдена записка с названием романа Даниловой?

– Приклеена к балконной двери скотчем.

– А убитый в Казани?

– Еще веселее – альпинист.

– Альпинист?

Молотова равнодушно махнула рукой.

– Мойщик окон. Большинство современных домов строятся с панорамными стеклами и лоджиями, которые весьма затруднительно мыть снаружи. Работы хватает почти на целый год. Убитому, Эдуарду Гальцову, подрезали трос, и он свалился с двадцатого этажа.

Я принялся рассуждать.

– Так, их люльки крепятся к чердаку или крыше. Значит, кто-то поднялся на крышу и...

– Все верно. Там и был обрезан трос. Люлька перевернулась вместе с нашим альпинистом. Ну, вернее, казанским альпинистом.

– Дом, следовательно, новый. Там стопроцентно есть видеонаблюдение.

– Оно отключилось.

– Каким образом?

– Кто-то поджег трансформаторную будку, обслуживающую несколько таких домов. Камеры отключились, пока дом переводили на резервное освещение. И в этот момент убийца спокойно зашел в подъезд, поднялся наверх. Чердак открыт, учитывая, что там работал мойщик. Там он спокойно перерезает трос, тем самым убивая человека, после чего скрывается.

Она грустно вздохнула.

– Никто и ничего не видел. Пусто. Будка сгорела дотла.

– Логично, – попробовал съязвить я. – Вы, как и я, думаете, что это весьма странное совпадение? Пожар, отключение электричества и неработающие камеры, а затем убийство?

– Естественно. Звенья одной цепи.

Звучало логично, проговорено железным тоном, и возражать я не решился.

– А где нашли вторую записку? Около тела альпиниста-мойщика?

– Нет, прямо на чердаке, рядом с его сумкой. Просто напечатанные слова, не взятые в кавычки.

– То есть она может быть вовсе никакой отсылкой к роману Дашковой?

Полицейская пожала плечами.

– Может. Понимаете, почему эти два дела не объединило в одно, даже учитывая наличие этих двух странных записок? Все может быть простым совпадением. А одну из записок вообще мог зачем-то сделать сам убитый.

– И носил с собой во втором случае, а тот другой приклеил ее к себе на балкон? Это же глупо!

– Согласна. Но следствие работает по определенным законам, и, к сожалению, иногда они несуразные. Оснований для серии нет. И точка. МВД или Следственный комитет крайне не любят объединять те или иные убийства в серию, максимально избегают огласки в сми.

– Почему?

– Такие дела требуют особо контроля. Со стороны министра, со стороны других органов. Всех будут теревить, требовать немедленного раскрытия. То, что отражено в сериалах и книгах довольно правдиво. Если объявляется маньяк, все срываются с цепи и требуют его поймать немедленно.

Александра отвернулась к окну и фыркнула:

– И все думают, что это легко. На самом деле хорошего убийцу поймать практически невозможно. А маньяка – тем более. Это в ваших книгах все легко.

Про книги сказано было особо пренебрежительно. Возникло ощущение, что мне плюнули в лицо. Я обиделся, незаметно утерся и возразил:

– Читатели любят читать о маньяках. Самый популярный поджанр детективной литературы.

– Никогда не понимала почему. Для меня такой интерес сродни некрофилии.

– Людям нравится читать о страданиях других, понимаете? А в хорошем психологическом триллере еще подробно расскажут историю того, как маньяк стал маньяком. Маленькая подсказка, через собственные страдания. А знаете, кто его таким сделал? Общество. Вот только на этот нюанс читатели обращают меньше внимания.

– Хотите сказать, что это общество создает себе маньяков, и наш убийца, если это на самом деле маньяк, продукт жизнедеятельности окружающих человеческих особей?

Я призадумался над ее формулировками. Грубо и жестко, а сказано метко.

– Вполне возможно так и есть.

– Вы их оправдываете.

Ну, начинается! Сейчас опять заведем любимую пластинку – кто виноват и что с этой херней делать.

– Маньяков? Нет. Я не суд. Просто давайте возьмем сухую статистику психиатров. Большинство педофилов подвергались сексуальному насилию в детстве. Жесткому сексуальному насилию, хочу акцентировать. Проходят годы, изнасилованный сам становится насильником. Внимание, вопрос – кто виноват? Он или общество? Или оба? А если оба, тогда какие санкции будут применимы к обществу?

– Вы действительно их оправдываете.

Мне опять словно плюнули в лицо. Я резко поднял вверх руку в отрицательном жесте.

– Не передергивайте, Александра! Я не оправдываю, а констатирую факты и статистику. И задаюсь вопросом. Знаете, у Абдулаева для моего курса я выбрал трилогию о маньяке «Удар бумеранга». Он насиловал и убивал женщин, а не детей, но не суть. В книге герои, один из которых профессор аля-профайлер конца нулевых годов, тоже дискутируют со следственными органами и сыщиком Дронго⁶ о том, кто виноват в появлении маньяков. И в споре ни к чему не приходят. Потому что на эту тему никто не хочет спорить, простите за тавтологию. Знаете, почему?

---

⁶ Сыщик Дронго – главный герой большинства произведений Чингиза Абдулаева.

Александра, поджав губы, ожидала моего вердикта. Вся так и искрится как новогодняя елка недовольством.

– Потому что все они боятся услышать в итоге то, чего не хотелось бы слышать никому. Чей продукт жизнедеятельности, как вы выразились, ваш убийца? Собственных тараканов в голове или тараканов в лице общества, безжалостно изничтоживших его психику? И реально ли он маньяк, а не просто обычный убийца или подражатель, только предстоит выяснить.

После моих слов аудитория вновь погрузилась в молчание. Университетский двор за окном стал медленно пустеть. Разгильдяи-студенты неторопливо, докуривая на ходу сигареты, направлялись в аудитории на следующие пары. Мой рабочий день на сегодня был окончен. Задерживала меня только эта строгая брюнетка в костюме, нервно постукивающая пальцами без маникюра по парте. Чего же она хотела от меня? Или ей просто не с кем побеседовать о жанре? Надеюсь, она не обиделась на мою мини-лекцию с открытыми вопросами о виновности и невиновности общества.

– Чем я, Александра, могу помочь вам? Как эксперт, прямо сейчас заявляю, ничего общего с двумя убийствами в этих книгах нет. Ни в той, ни в другой не убивали альпинистов-мойщиков, не оставляли тел на балконе для всеобщего обозрения. Оставленные записки на самом деле кажутся случайными.

– Так вполне может быть, – кивнула она. Лицо ее осветилось мрачноватым светом недовольства и тотального несогласия с моим мнением. – Допустим дело в книгах, и это действительно начало серии. Как тогда будут развиваться события? Ваши мысли?

– А что для начала думаете вы?

– В том-то и дело, что ничего. Получается у убийцы есть некий список книг, названиями которых он обозначает места своих преступлений.

– Логично, – перервал я ее. – «Мне давно хотелось убить». Прекрасное название для первого убийства. Он нам говорит, что хочет убить, желание зрело в его больной головушке давно. И вот он вышел на тропу крови.

Она брезгливо сморщилась, услышав выражение про тропу. Я в который раз понял, что с юмором не в порядке все-таки у меня.

– С первой книгой мы вопрос решили, хорошо. А Дашкова? Ну никак сюжет «Никто не заплачет» не подходит для второго убийства и всей серии в целом. Роман посвящен банде Сквозняка, которая среди ночи грабила квартиры и убивала хозяев, даже если среди них были дети. Это первая сюжетная линия. Вторая – поиск украденных денег братом главного героя, которого убивает наемный убийца, и переводчицы Веры, совершенно случайно оказавшейся в эпицентре событий. Все. Никаких схожих убийств или маньяков там, увы, нет.

Молотова не сдавалась.

– А если намек на автора? У Полины Дашковой есть книги про серийных убийц?

– Есть. «Вечная ночь» может подойти под описание, но вопрос в другом. Дашкова не тот писатель, который ставит целью написать жутковатый саспенс о маньяке. В ее книгах убийца или главный злодей известны почти с первых страниц. Именно поэтому, когда я в одной статье для университетской конференции анализировал ее творчество, то указал насколько ошибочно можно считать ее произведения рядовыми детективами. Ведь что такое детектив в чистом виде?

Я выжидательно посмотрел на Александру, на мгновение неосознанно решив поиграть в свою любимую игру преподаватель-студент. Молотова смотрела на меня своим непроницаемым взглядом холодного, неприступного следователя, не настроенная на фамильярность или шутки. Привыкшая общаться с преступниками или подозреваемыми больше, чем с обычными людьми. Возможно, чуть ли не в каждом встречном она видела потенциального «клиента» следственных органов.

– Детектив – процесс поиска разгадки совершенного происшествия, как правило, преступного характера, с целью выяснения всех обстоятельств дела. В большинстве примеров – это поиски не только разгадки, но, прежде всего, убийцы. Нет убийцы – нет детектива.

– Я не сильна в литературе, художественной, по крайней мере, – возразила мне Александра. – Но слышала, что одним из лучших детективов считается «Лунный камень» Уилки Коллинза. Роман, посвященный пропаже алмаза. И нет там никакого убийцы.

– Я не согласен с тем, что «Лунный камень» – это один из лучших детективов. Для меня он весьма нудный и невыразимо затянутый роман, от которого быстро устаешь. Сугубо личное мнение. Да, там не расследуется убийство. Дело в том, что жанр детектива со временем несколько видоизменился. И теперь, говоря детектив, мы подразумеваем роман с каким-то преступлением, и в большинстве случаев это убийство. Российский детектив последних трех десятилетий представляет собой именно такой жанр. Можно долго дробить его на поджанры – политический, психологический, полицейский или милицкий, суть остается одна – главное расследование и поиски преступника.

Я перевел дух.

– В романах Дашковой нет поисков убийцы. Преступник перед нами. В романе «Приз» он предстает чуть ли не с первых страниц. В «Никто не заплачет» становится известным примерно к сотой странице. Хотя Сквозняк не просто убийца, а самый настоящий монстр.

Александра вновь покрутила перед глазами список.

– Значит, никакой ясности относительно сюжетов книг, – заключила она с грустью.

А как она хотела? Что будет все так легко и просто? Особенно если они связались с умным убийцей. В таком случае, он их сначала поймает, и только потом они поймут замысел. Если еще поймут. Ох, не верю я в нынешние следственные органы.

– Наши дальнейшие действия? Я вам требуюсь как эксперт, правильно?

– Пока что вы не пролили свет на разгадку.

Иначе говоря, мне заявили, что как эксперт я – сущее говно.

– Я же не сыщик. Пишу про сыщиков, но таковым не являюсь.

– Но ведь всегда хотели попробовать себя в такой роли, не так ли?

Она впервые выдавила из себя некое отдаленное подобие улыбки.

– Было бы интересно, – согласился я. – Хотя и сопряжено с опасностями. Кстати, если наш убийца из Екатеринбурга, почему бы на те даты не запросить список приезжавших из нашего города в Казань? Кто прилетел самолетом? Кто прибыл на поезде? Сейчас ведь без паспорта не купишь билет, а Казань не столь популярное направление у уральцев, в отличие от Москвы и Питера.

– Непопулярное, но это тысячи людей. Тем более мы не знаем, когда именно прибыл убийца в город. Он явно тщательно готовился к убийству. Следил за альпинистом, задумал пожар. На это могла уйти ни одна неделя.

Она помолчала какое-то время, думая о своем. Потом тихо произнесла:

– Да, он все тщательно спланировал. Потому и не оставил никаких улик. Таких персонажей очень сложно ловить.

– Он же входил в подъезд и потом выходил. Кто-то в том доме мог его видеть? У трупа собралась целая толпа!

– Мог. И видеть, и даже разговаривать, осматривая тело сорвавшегося вниз мойщика. Но вряд ли запомнил. Дом новый, куча людей, снимающих квартиры, много приезжающих гостей. Множество незнакомых лиц каждый день. Его никто не мог запомнить. У меня такое чувство, что он не особо шифровался, надевая там капюшон, маску или ещё как-то пряча лицо. Все равно бы никто не заметил.

Мы какое-то время посидели в молчании. В стенах университетов тоже царил неприличная тишина. Не было слышно звуков разговоров, гогота студентов, хлопающих дверей.

– У вас есть мой телефон? – спросил я.

– Естественно.

Ну да, я чуть не забыл, в каком ведомстве работает моя веселая собеседница.

– Если буду вам нужен, то помогу.

– Вы понадобится мне только в одном случае, – сказала она, забирая листок со списком обязательной литературы с собой. – Если произойдет новое убийство из серии. В остальном пока ваша помощь оказалась бессмысленной.

Так изящно меня не унижал еще никто.

Не попрощавшись, она встала и вышла из аудитории. Я же остался истуканом сидеть перед пустыми рядами парт. Есть мне уже не хотелось.

Глава 4

Журналист⁷

Как известно, беда не приходит одна, а за одним знакомством, следует другое.

Я не успел вернуться домой, как телефон зазвонил. Мне не хотелось отвечать, наоборот, я стремился побыть какое-то время в тишине. Во-первых, поесть, потому как был голодной как волк-оборотень, во-вторых, намеревался обдумать все, что мне рассказала Александра. Маньяк, убивающий случайных людей и оставлявший возле трупов карточки с названиями детективных романов – это что-то настолько нереальное, будто случайно пришедшее в наш мир из вымышленного пространства остросюжетной литературы. Верилось во все с трудом. Но я как никто знал, что маньяки – не только зловещие персонажи из легкого литературного чтения. Маньки вполне реальные и опасные люди, которые спокойно существуют в настоящем измерении и также спокойно убивают. Точно также как в вымышленном мире детективов и триллеров, их очень сложно отличить от обычных людей. Еще сложнее поймать.

Если на самом деле в стране объявился маньяк, да к тому же убивающий, вдохновляясь российскими детективами – то не знаю, какой эффект новость вызовет в мире издателей и книгоманов. Впрочем, если помнить обстоятельства первых двух убийств, и, дай Бог, последних, ничего общего с романами Даниловой и Дашковой они не имели. Может это действительно случайность? Фатальное совпадение и ничего больше?

Казалось, я себя утешал. Зачем-то.

Я поставил в микроволновку разогревать обед. Побрел к книжным полкам, где из вороха уже осыпавшихся книг выудил первое издание «Никто не заплачет» Дашковой, затем нашел роман и Даниловой. Обе были из старой серии «Детектив глазами женщины».

Телефон между тем все звонил и звонил, разрываясь в кармане пиджака, брошенного в прихожей.

На хер идите, зло подумал я, и стал пролистывать книги.

Итак, что я знал? «Мне давно хотелось убить» – один из первых романов Анны Даниловой, и третий в цикле о частном детективе Юлии Земцовой. В книге она занимается поисками маньяка-некрофила. Собственно говоря, первая глава и начинается с его откровений после очередного убийства. Сидит такой, жалеет себя и считает женщин несовершенными существами, заслуживающими смерть. При чем смерть тут не кара, а избавление от страданий. Дальше Юлия и ее напарники Шубин и Крымов начинают поиски.

И вот название этого романа находят на месте убийства логиста. Логист с проломленной головой, сидит на балконе. Странно.

Дашкова. У нее как таковых циклов не было вообще, за исключением двух первых романов о Лене Полянской. «Никто не заплачет» не входит ни в какие циклы. Главная героиня переводчица Вера. Антагонист – тот самый убийца-бандит Сквозняк, еще один положитель-

---

⁷ Остросюжетный роман Андрея Константинова (1996г.), легший в основу первой части сериала «Бандитский Петербург».

ный герой Володя, наказывающий зло, и в конце романа спасающий Веру. Есть еще другой положительный герой – Антон, брата которого убила в самом начале книги мафия.

Никаких тебе мойщиков окон. Правда...

Я пролистал до конца, примерно помня, чем все закончилось. Да, верно. В финале двое героев падают с балкона и погибают, после взрыва гранаты. Есть ли здесь намек на убийство Гальцова?

Сомнительно.

Телефон снова зазвонил. Это уже начинало бесить. Интересно, что за тупая настырность? Если человек не отвечает, значит он занят, так? Чего надо?

Обозлившись, я вернулся в прихожую и со злостью вытащил из кармана надрывающийся телефон. И я совсем забыл про обед в микроволновке, который уже остыл.

Звонила Анна.

Анна... Пожалуй, мой единственный близкий друг, который появился в жизни с тех пор, как я стал писателем. У меня было много знакомств, много людей, желавших со мной подружиться. Десятки людей, вернувшихся в мою жизнь из прошлого – случайные знакомые или однокурсники с одноклассниками, которым просто тупо хотелось дружить с писателем, который еще ко всему прочему вхож в телевизионные круги. Они никогда не были для меня друзьями, хоть наивно полагали, что таковыми являются для меня. Анна же была настоящим другом. И очень здорово мне помогла, когда я разводился с Кристиной.

– Я видела ее мамочку, – сказала она мне как-то, и я живо вздрогнул при очередном упоминании о своей теще. – У нее на лбу крупными буквами с подсветкой написано, что она мегера.

Нет необходимости подтверждать слова Анны. Она, как всегда, попала в самое яблочко. Работала она психологом, долгое время занималась консультациями на кафедре психологии в нашем вузе, а на какое-то время даже открыла свой собственный кабинет в стенах университета. Его пришлось быстро прикрыть. Отбоя от посетителей с проблемами психологического характера не было, и ректорат почему-то решил, что кабинет психолога с переполненными желающими в лице нервных студентов и еще более нервных преподавателей – не самая лучшая реклама учебного заведения. Анна не сильно расстроилась, и вскоре создала свой центр психологической помощи.

Она была старше меня, наверное, лет на пятнадцать, хотя и выглядела максимум на тридцать пять. Я, будучи каким-то джентльменом, никогда не дерзал спрашивать о ее возрасте. Мы дружили, хорошо общались. К тому же, у Анны росло двое замечательных детей – мальчик и девочка десяти лет.

И еще она была очень воспитанным человеком, которая не стала бы названивать без передышки. Значит, дело было срочное и безотлагательное.

Внутренне я напрягся. Не люблю таких ситуаций, ох не люблю.

– Привет, – ответил я. – Извини, был... в ванной.

Елки же с палками, но почему я такой отъявленный лгун? Ведь можно просто сказать, что не хотел брать трубку, потому как дико устал? А я вру и нагло. Не из-за этой ли регулярной лжи развелась со мной Кристина?

Нет, стоял в ушах все тот же голос Анны и ее слова, которые она сказала не вскоре после нашего развода. *Вы развелись, потому что никогда и не были парой. Есть любовь, а есть страсть. Так вот у вас была именно страсть, быстро закончившаяся.*

– Ром, привет. Прости за назойливость...

Голос ее был виноватый.

– Дело не требует отлагательств. Ты сейчас в городе или где-нибудь колесишь по России на встречах с читателями?

– Слушай, у меня последняя встреча была в апреле на нон-фикшене. Сейчас я, как привязанный, околачиваюсь в городе. А в такую жару не хочу даже никуда выходить.

Тонкий намек на мое соседство. Никуда я не поеду если что. Даже не думай, Анечка!

– Понятно, новоиспеченный затворник. Ты сильно занят?

Если бы Анна хотела просто встретиться и поболтать, она бы не стала спрашивать. Скорей всего, хотела меня с кем-то познакомить. Вопрос, с какой целью.

– Мне хотелось бы переговорить с тобой и представить одного человека, – продолжила она.

Бинго! Я угадал.

– Что за человек?

– Он студент. Учиться на журфаке и пишет магистерскую диссертацию по криминальной журналистике.

Господи, еще одно юное дарование стремится стать акулой пера и сесть на удобный стульчик под свет софитов где-нибудь в московской студии. Им в Москве как медом намазано, якобы возможностей больше. По факту, возможности есть везде, просто где-то все легко достигается, а где-то сложно. Сложности нынешнее племя молодежи не любит.

– А зачем мне его представлять?

Я нагелел. Анна шумно выдохнула.

– Понимаешь, ему нужен научный руководитель...

Ах, вот оно в чем дело. Мне пытаются сбегать дипломника. В принципе, это неплохо. На кафедре получение дипломников или магистрантов – еще одна ступень, приближающая простых смертных преподавателей к небожительству на университетском Олимпе, который разделяют между собой доценты, кандидаты и доктора наук. А учитывая единственный курс, который я вел, от и до состоящий из детективов, и то с какой отъявленной брезгливостью к нему относились седовласые специалисты по творчеству Золя и Толстого, получение под свое кураторство дипломника лишь добавит мне очков. Не спасет от едких насмешек, но заставит взглянуть чуточку уважительнее.

– Он учится у нас?

– Да, поступил в магистратуру. Сам он иногородний.

– Где чадо появилось на наш черно-белый свет?

– Нижний Тагил.

Нарочно не придумаешь. Тагил и диссер по криминальной журналистике. Красивый город с очень хорошими людьми, опошленный шутками про бандитов и якобы суровый нрав людей. Эта же участь постигла и Челябинск. Еще какой-то идиот придумал выражение «Тюмень – столица деревень», хотя это потрясающе красивый город. Мы срем на свою собственную провинцию, а потом удивляемся почему все сваливают в Москву да Питер.

– Ты меня слышишь? – Анна видимо что-то сказала, а я опять витал в облаках.

– Извини, что?

– Какой ты вечно рассеянный! Жениться тебе надо!

– Вот уж спасибо. Уже поженился. Как вспомню свою тещу, так седею от ужаса.

– Ты сможешь взять под свое руководство магистранта?

– Взять то я возьму, но разрешит ли мне моя и его кафедры подобную рокировку? У нас не сильно принято, чтобы магистранта с чужого факультета вели свои преподаватели.

– Его кафедра не против.

Я прикинул. Павловна вполне коммуникабельный человек. Вряд ли она будет против. Вопрос в другом, надо ли это мне?

– У него уже заканчивается первый год обучения, почему же до сих пор не назначили научного руководителя? Осталось то всего ничего.

Анна резко замолчала, и в трубке повисла тишина.

– От него отказались.

Вот оно в чем дело.

– Он что, конфликтный? Спасибо, не надо мне такого счастья. Потом чадо не сможет написать даже краткий план первой главы и подготовить список литературы, а виноватым останусь я.

– Да нет что ты! Очень хороший парень!

– Так все говорят. Каждый кулик хвалит свое болото.

– Давайте я вас познакомлю. Сегодня! Рома, надо решать. Время идет, а у него ничего не готово практически.

Анна предложила прямо сейчас встретиться в итальянском ресторанчике «Карризи», неподалеку от университета. Вот не знаю почему, но я согласился. Оставив обед в микроволновке, быстро собрался, не переставая вздыхать от негодования на собственную покорность и безотказность, и вновь по жаре поехал в центр города.

В приятной кондиционированной прохладе ресторана, где волшебным пахло пиццей, за столиком у панорамного окна уже сидела Анна. Рядом, судя по всему, уселось мое гипотетическое магистрантское чадо.

Молодой человек носил очки в толстой черной оправе, имел непослушную каштановую густую шевелюру и такую же густую бороду. Я почти не сомневался, что в его юношеских грезах борода придавала ему мужественности. По факту она создавала весьма нелепый вид – половина лица юнца, половина взрослого мужика. Шапито какое-то.

– Привет! – я поздоровался с чадом и сел напротив. Анна с благодарностью взирала на меня, улыбаясь.

– Денис! – гордо представился парень.

Я заказал себе пасту и кофе. Пока готовили заказ мы несколько поболтали на отвлеченные темы, затем Анна аккуратно вывела разговор к магистерской диссертации.

– А фамилия твоя как? – решил уточнить я, делая глоток принесенного ядерного пойла, названного здесь американо.

– Дятлов. Денис Игоревич Дятлов.

– Твою мать, – только и смог сказать я.

Анна зыркнула на меня так, словно я послал ее протезе трехэтажным матом.

– Твоего отца что? Назвали в честь предводителя группы убитых дятловцев?

Оказалось, я попал в точку. Денис энергично закивал.

– Да, мой дед-однофамилец лично знал почти всю группу Игоря Дятлова. Когда они погибли, то очень переживал, пообещав назвать сына в честь Игоря. А меня папа назвал в честь главного героя книг Драгунского.

– Замкнутый круг какой-то, – пробормотал я, и Анна вновь недовольно воззрилась на меня.

От американо начинало постепенно тошнить. Вроде солидный ресторан, а такое пойло дают.

Парень пока что не производил какого-то отталкивающего впечатления. Ну да, не повезло ему с научным руководителем. Тему выбрал неказистую. Что ж вас всех клинит то на криминале и расследованиях?

– Почему же все-таки от тебя отказался руководитель? – я отставил чашку с ядовитым кофе подальше. – Ты качал с ним права? Не соглашался с точкой зрения, которую он тебе упорно навязывал?

– Он умер.

Я вскинул брови. Анна грустно заключила.

– Инфаркт.

Над нашим столиком на мгновение повисла поминальная тишина.

– Соболезную. А почему кафедра журналистики не может найти кого-то из своих преподавателей?

Денис развел руками, будто я задал странный вопрос.

– Дыкть, все же заняты.

– Здорово устроились.

В разговор вновь вступила Анна, выполнявшая своеобразную роль протезе Дятлова.

– Предварительная договоренность есть, твоя кафедра не против. Факультет журналистики и филфак структурно находятся в одном департаменте университета. Поэтому проблем нет. Тем более, ты журналист.

Отлично. Получается, без меня – меня женили.

– Лишь по образованию. Толком поработать на ниве журналистики мне не пришлось. Декан меня из-за этого стыдится. Я мог стать вторым Малаховым, а сижу кропаю книги, да еще какие-то там детективы, а не высокую прозу как Басинский или Водолазкин.

– Я читал ваши романы! – с мнимым восхищением сказал Денис, явно желая подлизаться.

– Не надо заниматься подхалимством, – осадил его я.

Чадо похоже обиделось. Плохо, если человек обидчивый. Во-первых, он явно не понимает шуток. У меня шутки дурацкие, шучу я часто, и надо иметь терпение, чтобы не садануть мне за очередной анекдот или сарказм. Во-вторых, с обидчивыми людьми процент конфликтов в совместной работе в разы выше. Тем более, как правило, на пустом месте. А это плохо. Как вот отреагирует, если он напишет введение или главу, а я заявлю, что они откровенно хреновые?

– Сколько у нас времени? – спросил я.

– Он на защиту выходит осенью, – сказала Анна.

– Осенью? Этой? То есть ты...

Денис понуро опустил голову, Анна замялась.

– Он заочник. У них по каким-то причинам защита будет осенью.

– Елки и палки! А почему так долго решался вопрос с научным руководителем?

– Евгений Петрович очень долго болел, потом попал в больницу, – сказал Денис. – Все надеялись, он выздоровеет. А он...

– Отдал концы, – не выдержал я. – И что у вас готово с ним было ко времени безвременной кончины?

– Тема, список литературы, план самой диссертации и введение.

Я пожалел, что подо мной нет ямы, в которую можно было свалиться. Еще лучшим выходом стала бы возможность заново начать этот день и не соглашаться на встречу с Анной. Но как я мог ей отказать? Никак. Разве что в параллельной вселенной, если таковая есть.

– Времени мало. Кафедра еще спала так долго!

– Ты же знаешь университетскую жизнь, – ответила Анна. – На кафедре всегда так. Магистрант или дипломник остается без научного руководителя вследствие форс-мажора. Начинают спешно искать замену, не находят. Один не хочет, второй отказывается, третьему пофиг. Деканату вообще наплевать. Иногда самому студенту приходится искать себе научного руководителя. С Денисом так и вышло. Его как мячик перебрасывали от одного к другому.

– А потом решили подключить меня.

– Это я посоветовала!

Ах, вот кого мне надо благодарить!

– Молодец! Почему тему никто не хотел брать? Криминальная журналистика не самая пропадающая тема для диссертации. Преступлений меньше совершаться не стало, интерес к их расследованию только растет.

Денис и Анна странно замолчали. Почти украдкой переглянулись. Я чувствовал еще один подвох. Что-то не так было и с самой диссертацией.

И тут меня осенило.

– Стойте, а тема ведь утверждена, раз до защиты полгода?

Дятлов чересчур осторожно кивнул. Анна опустила взгляд в пустую тарелку, где еще десять минут назад ждали своей участи мидии.

– Расследование как жанр криминальной журналистики на примере нераскрытых дел, – отбарабанил Денис.

Теперь я понял. В научном исследовании есть такой принцип – новизны. Работа чем-то должна отличаться от других, должна содержать изюминку. Если это исследование гуманитарного или технического плана – все проще. Что-то накопать или теоретизировать по-новому, особенно если опираться на социологические методы, вполне возможно. С журналистикой сложнее. Диссертации писать надо, а темы все разобраны. Больших прорывов в последние годы не происходит. Даже на теме недавней пандемии уже потоптались все, кто только мог.

– И в чем твоя новизна работы будет? – спросил я, уже предполагая каков будет ответ.

– Мне нужно будет выполнить собственное расследование какого-нибудь нераскрытого дела. Например, убийства. Собрать материал, проанализировать, написать что-то типа статьи. Она ляжет во вторую часть диссертации.

– Значит, менять тему нельзя, слишком поздно, – принялся рассуждать я. – Попробовать можно, но вряд ли совет кафедры разрешит. Времени мало.

– Ага, – словно издеваясь, радостно кивнул Денис.

– Если новизны не будет, работу не пропустят, – сказала Анна. – К защите он не успеет, следовательно...

– Парень останется без диплома, – закончил я.

– И может отправиться еще и в армию, – пригвоздила вердикт Анна.

А вот и вторая причина. Чадо едва не всплакнуло.

– Академический отпуск? – равнодушно предложил я.

Денис мотнул головой.

– Не факт, что разрешат.

Что ж, тему менять нельзя, расследования нет, как и дела. Диссер не написан. В роли спасителя я. Анна и Денчик с надеждой смотрят на меня.

Конечно, я мог их послать прямо сейчас. Вежливо, со вкусом, стилистически грамотно. Но это могло поставить крест на нашей с Анной дружбе.

А этого я допустить не мог. Потому согласился.

– Завтра в полдень у меня дома, – сказал я, озираясь в поисках официанта, которого хотел напоследок прибить за безобразный кофе.

Есть у меня еще один недостаток, помимо кучи фобий и идиотского юмора.

Я безотказный.

Глава 5

У прокурора век недолог⁸

А еще я ненавижу утра. Не важно, утро выходного дня или буднего. Само приветствие «доброе утро» почему-то вызывает у меня стойкое отторжение, а в некоторых случаях и раздражение. При этом понятие «доброе вечера» имеет право на жизнь.

Утром я, как правило, просыпаюсь не выспавшимся, при том вне зависимости от того, во сколько лег спать. Как следствие, пробуждаюсь в новый день злым на весь мир, с плохо скрываемым желанием взорвать его к собачьей матери. Мне не хочется никуда идти, не хочется

---

⁸ Детективный роман Татьяны Поляковой, 2004г.

работать. Когда мы жили с Кристиной, несколько раз она ненароком получала от меня дозу раздражения по утрам.

– И ты всегда такой добрый утром? – спросила она однажды, когда очередным недобрым утром я сорвался на нее по какому-то пустяку.

– Почти всегда. Не люблю вставать. Особенно если рано.

Потом я вроде даже извинился, но жена на всю жизнь запомнила, что утрами, особенно в будние дни, меня лучше не трогать. Я всего лишь бездушный элемент декора квартиры. И нет смысла приставать ко мне с расспросами. Целее будешь.

Сегодняшнее утро было на редкость отвратным. Вновь на улице стояла жара. В довершение всего отключили холодную воду из-за аварии на линии, о чем управляющая компания предупредила в девять утра в извиняющейся смске. А вишенкой на торте стал звонок Молотовой.

– Труп, – сказала она на выдохе без всякого приветствия. Номера ее я понятно не знал, а вот голос узнал сразу.

– С карточкой? – не остался в долгу я и тоже не поздоровался. Это не стало мелкой мстью, скорей следствием удивления и испуга.

– «Я умер вчера», – произнесла почти по слогам Александра. – Знакомо?

Еще бы не было знакомо.

– Роман Марининой из цикла о Насте Каменской. Опубликован во второй половине 90-х годов.

На мою краткую библиографическую информацию никак не отреагировали.

– Кого убили на этот раз? – продолжил я, так и не дождавшись продолжения разговора. Такое чувство, что я меня использовали в роли книжного поисковика – нашли нужную информацию и все, забыли. Поисковики же не задают пользователям вопросы?

– Прокурора.

Она кашлянула.

– Заместителя главного прокурора области, если быть точнее. Информация пока закрытая. Надеюсь, понимаете?

– Хорошо, что предупредили, а то я уже хотел бежать к соседям и рассказывать об убийстве.

Где-то на заднем плане прозвенел трамвай.

– Вы сейчас на месте преступления? – спросил я, пытаюсь разобрать какофонию голосов. Александра периодически отвлекалась от нашего разговора и давала кому-то поручения, все тем же жестким повелительным тоном. Вряд ли она умела по-другому разговаривать с людьми. Страшно представить ее в роли жены. Вгонит в гроб в первый же год после женитьбы без суда и следствия.

– Да, я здесь. Хотите приехать?

– А можно?

– Приезжайте, мне все равно. Только если успеете за час. Потом мы уже скорей всего уедем. Перекресток Большакова и Мичурина, неподалеку от ЦПКиО.

– Как его...

Я хотел выспросить самый главный вопрос про способ убийства в этом, уже третьем случае серии, но она прервала меня, поняв все и так.

– Его толкнули под летящий трамвай.

Мне сразу вспомнился Берлиоз, Аннушка, разлившая масло, и загадочный иностранец в парке на Чистых прудах. Но картина была такова, что неизвестный убийца толкнул прокурора под трамвай и оставил карточку с очередным названием книги из почти современного периода. И, если мне не изменяла память, ничего общего с убийством прокурора и трамваями роман «Я умер вчера» не имел.

Я пообещал, что приеду прямо сейчас и стал собираться. Кто главный герой романа? Тележурналист, у которого убивают коллег. Есть ли среди действующих лиц прокуроры? Вроде нет. И явно если и были, то сюжет строился вокруг другого.

Неожиданно в прихожей послышался звонок в дверь.

Твою ж, мать! Я совсем забыл про Дениса Дятлова.

Распахнув дверь, я улицезрел на пороге переминающегося с ноги на ногу Дятлова, через плечо которого была перевешена сумка с ноутбуком, а в руках была кипа больших тетрадей и распечатанных листов.

– Здравсте.

– И тебе не хворать, студент, – буркнул я. – Мне придется уехать. Так что сегодня можешь отдыхать. Практически с чувством выполненного долга.

Он вытаращил на меня глаза. Очки съехали на переносицу.

– А занятие?

– А занятие отменяется, к сожалению.

– Блин, да как так-то?

– Вот так. Рука судьбы.

Про себя же я подумал – нет, не судьбы, а неизвестного убийцы, который затеял очень опасную и явно долгую игру с литературой.

– Я ведь приехал. Через весь город парился в автобусе.

Я шумно выдохнул. То ли старею от холостяцкой жизни, и меня теперь раздражает любое препятствие, которое нарушает сложившийся в недавнее время вокруг меня жизненный покой, то ли просто от природы самая настоящая скотина, каких поискать. Парень ни в чем не виноват. Я ему сам назначил на сегодня первое занятие. Но не приехать на место убийства и посмотреть все воочию, позволить себя тоже не могу. Елки палки, сколько я написал детективных романов и сценариев, а ни на одном настоящем месте убийства не был. Нельзя такое пропускать.

– А куда вы едете? – внезапно спросил Денис.

Такой прыти, смешанной с настырностью, я и не ожидал. Парень не так прост, как кажется. С виду обычный ботаник, явно нудила, а по факту просыпающийся тигр.

– На свидание! – рявкнул я в ответ. Куда же его деть? Хоть прямо тут прибить бы и тихо спрятать тело.

– Нет, я серьезно. Может я вам помогу? А потом позанимаемся. Время то идет.

Денис словно Хатико смотрел на меня. Все. Теперь он прилип ко мне как банный лист к заднице и фиг от него отделаешься.

– Ну вы же не на свидание едете, ведь так?

Да какая тебе разница!

– Я еду на место преступления, меня пригласили как... эксперта.

Глаза моего навязанного дипломника загорелись огнем.

– Блин! – снова выкрикнул он слово-паразит. – Возьмите меня с собой! Пожалуйста!

– Блин! – передразнил я его. – А с каких хренов? Я приглашенный эксперт (хотя никаким экспертом я официально не был, да и толком никуда меня пока не пригласили), а ты в качестве кого поедешь? Очередной зеваки, которых там пруд пруди и без тебя?

– Я же пишу диссер по криминалу!

– Акула пера будущая, это только диссертация. Стостраничная, безобидная диссертация. А здесь настоящее убийство. И непростое убийство.

– Почему непростое?

– По кочану! Тайна следствия. Слышал о таком?

Денис насупился, словно обиженный ребенок, которому плохой папа отказался купить игрушечный паровозик. От бывшего тигра, вламывающегося в мое личное пространство, не осталось и следа.

– Представили бы меня своим секретарем, – произнес он дрогнувшим голосом, дернул сумку, в которой что-то жалобно брякнуло и повернулся в сторону лифтов. Я только сейчас осознал, что даже не дал ему войти в квартиру, беседуя с парнем на пороге. Хамовато, однако, с моей стороны. – Ладно, как освободитесь, позвоните. Приеду.

Обида, хлынувшая из его голоса, да и сама ситуация в целом, несколько меня отрезвила. Раздражение, гнев, неприятная нервозность, появившаяся после звонка Молотовой, слегка сошли на нет.

– Стой, – сказал я, когда Дятлов доплелся уже до лифтов и вызвал кабину. – Поедешь со мной, так и быть. Но если следователь тебя не пустит на место преступления – не обессудь. Будешь сидеть в душевной машине и ждать.

Он повернулся ко мне и его лицо, полминуты назад искаженное гримасой обиды и отчаяния, теперь светилось радостью и торжеством. У меня создалось впечатление, что Денис всего лишь умело разыграл обиду. Едва не разрыдался, гордо ушел, по факту играя роль. Так ли это или не так, я мог только догадываться.

Я быстро собрался, и мы вдвоем спустились в паркинг. Увидев стоявший на парковочном месте монструозный шведский внедорожник, приветственно загоревшийся ксеноновыми фарами, стоило мне разблокировать двери, Денис вскричал:

– Ни хрена себе у вас тачка! Всегда о такой мечтал! Это же «Вольво» последней модели!

Забравшись в салон, Денис с широко раскрытыми от удивления глазами и ртом принялся рассматривать панель приборов, провел рукой по гладкой обивке дверей. Выглядел он со стороны так, словно жил в полной изоляции где-нибудь в лесу, и сейчас впервые в жизни увидел автомобиль.

– Рот прикрой, а то зубы выпадут, – бросил ему я и нажал на газ.

Пока «Вольво» постепенно раскалялся под лучами палящего солнца, Денис, на свое счастье, молчал, тупо разглядывая салон, мы в благостном молчании ехали по окружной дороге в сторону паркового района. Я прокручивал в голове информацию о романах Марининой.

Лет пять назад я писал статью, посвященной творчеству, пожалуй, самой знаменитой писательницы детективов в России. Некоторые романы Марининой переводились весьма успешно в Европе, и, в частности, в Германии. В своей публикации я отметил, что Маринина – единственная из всех российских писателей детективов в 90-х годах составила фактически энциклопедию российской преступности новой России. Ей были проработаны абсолютно все схемы преступлений – от обычных бытовых до происходящих в самых высоких эшелонах власти, в том числе следственных органов. К тому же замыслы преступников были куда более изящными и нетривиальными, в отличие от множества других произведений. Куда тут Агате Кристи с ее десятками однотипных романов про убийства из-за наследства.

Раскаленный от солнца город был относительно пуст. Машин встречалось мало и буквально через полчаса мы приехали на обозначенный перекресток улиц. Посреди дороги застыл трамвай, мигающий аварийкой, вдоль и без того узкой дороги стояло несколько полицейских машин, фургон скорой помощи. Вокруг сновали люди. На углах улиц периодически собирались зеваки, с патологическим интересом осматривающих место преступления и потом уходящие, видимо вспомнив, что они шли куда-то по делам, а не вышли из дома для наблюдения за чужой трагедией.

Припарковаться было негде. Парковочных мест в этом районе не наблюдалось от слова совсем. Я хотел заехать на тротуар и встать рядом с полицейской машиной, но такой наглости мне не позволило воспитание.

Завидев в толпе экспертов и полицейских Александру, я притормозил и, опустив окно, крикнул:

– Александра, здесь негде оставить машину, можно я заеду на тротуар?

– Нельзя! – проорал мне один из полицейских, а Молотова, ничего не возразив, ткнула рукой куда-то за спину.

– Объедете квартал и припаркуетесь на Большакова, там одностороннее движение и всегда есть парковочные места.

После этого она отвернулась, потеряв ко мне интерес, и продолжила беседу с одним из коллег.

– И чего теперь? – спросил Денис.

– Ничего, меня изящно послали. Будем колесить по кварталу в поисках парковки. Вот на хрена здесь такой огромный тротуар? Ни одного человека нет, лучше бы кармашек для авто сделали!

Делать было все равно нечего, и я, развернувшись, поехал объезжать квартал, чтобы вырулить на улицу, где должны были быть места для стоянки.

Они там действительно имелись и, на удивление, в большом количестве. Я без труда припарковал внедорожник возле проезда к школе. Рядом торчал ржавый указатель «Детский сад «Гамма-развития», криво указывая стрелой направление движения к учреждению.

– Там трамвай стоит посреди дороги, – сказал Денис, пока мы шли к перекрестку. – Получается, кого-то сбили трамваем?

– Да, а до этого под трамвай этого кого-то бросили.

– Жесткач.

Я глянул на него. Таким словом обычно называл происшествия один из следователей в сериале середины нулевых годов «Вызов». Денис его смотрел и решил использовать выражение, или слово из словарного запаса чада?

Народу, пока мы искали парковку, чуть поубавилось. Тело похоже уже увезли. Перед трамваем на асфальте остались густые следы крови, начавшей подсыхать под лучами солнца. Здесь же виднелись и ошметки чего-то темного. Я почти не сомневался, что это человеческое мясо после столкновения с машиной трамвая. Зрелище было жуткое, и во многом тошнотворное. Денис сразу скривился, разом побледнев. Что и говорить, мне и самому стало противно.

Александра поймала мой взгляд.

– Неприятное зрелище, правда? Совсем не так, как кажется при написании романов.

Очередной язвительный комментарий от нее. Молотова считала меня простым писакой, делавшим на трагедии убийств и преступлений имя, деньги и славу. Я хотел ей что-то ответить, но тут она переключила свое внимание на Дятлова.

– А это еще кто такой?

– Денис Дятлов, мой дипломник. Он пишет диссертацию по криминальной журналистке. Она испепелила студента взглядом.

– Пусть ищет в другом месте. Я звала вас, а не весь город любопытствующих.

– Все получилось случайно. У меня было назначено занятие с ним, поэтому...

– Да мне плевать. Вы какого хрена его притащили? Еще скажите, что рассказали ему все? Она была вне себя от гнева.

Денис же удивленно воззрился:

– О чем рассказали?

– Я ничего ему не говорил!

Не желая накалять конфликт, я поспешно повернулся к студенту и приказным тоном сказал:

– Иди к киоску Роспечати и жди меня там. Сюда ни ногой!

Он не стал возражать и с напускным обиженным видом отошел в сторону. Ни дать ни взять, актер больших и малых ролей. Александра сразу несколько успокоилась. Я развернулся к ней с виноватым выражением лица, да еще таким же искусственным, каким было выражение лица Дениса. Хороший же учитель у меня появился!

– Извините, я после вашего звонка совсем забыл о нашем занятии. Его некуда деть – присосался как клещ. Он правда не в курсе. Хотя... мне кажется после сегодняшнего убийства скоро все будут знать об убийце, оставляющим на месте своих злодеяний карточки с названиями детективных романов.

– Я очень надеюсь, что информация не дойдет до шакалов из всевозможных медиа.

Судя по ее тону, журналистов она не переносила на дух. Бедный Дениска. Не сработаемся мы с ним и Александрой в этом направлении расследования. Увы и ах.

– Вы подумали насчет книги? – спросила меня Молотова, по-прежнему косясь в сторону Дениса, от безделья разглядывавшего яркие обложки журналов в витрине киоска.

– Да. Спешу огорчить. Там нет ничего общего ни с методом убийства, ни с прокурором. Сюда больше подходит роман Татьяны Поляковой «У прокурора век недолог». Там героиня как раз сталкивается с расследованием убийства заместителя прокурора.

– Получается убийца случайно разбрасывает карточки с названиями книг? Или это те романы, которые когда-то понравились лично ему?

– Если мы все же имеем дело с серийным убийцей, то здесь нет ничего случайного.

– А кто главный герой книги Марининой?

– Тележурналист. Убивают двух его коллег, затем он узнает, что тоже «заказан» киллеру.

– Опять ничего общего.

– Значит, что-то общее есть, – возразил ей я.

И вновь краем глаза глянул на залитый кровью тротуар и отвернулся. Действительно гадкое зрелище.

– Его толкнули под трамвай?

– Он остановился на пешеходном переходе вон на том углу, пропуская летящий. В этот момент, как утверждает водитель, жертву кто-то толкнул под состав. Скорость была под шестьдесят километров. Шансов выжить мало.

– Водитель заметил убийцу?

– Нет.

Я едва не подскочил на месте.

– Как нет? Если он видел, как его толкнули?!

Александра указал на противоположную сторону перекрестка, часть которого пересекали трамвайные пути.

– Видите тот угол? Все произошло там. Убийцу от обзора из кабины полностью скрывал ряд близко посаженных тополей.

– Хорошо, но потом водитель разве не посмотрел в боковое или заднее зеркала, когда проехался по телу?

– Нет, все его мысли были заняты как раз тем телом, которое трамвай протащил по путям.

– А пассажиры? Кондуктор?

– Пассажиров не было. Трамвай поднимался от парка и в это время на этой линии здесь практически нет пассажиров, едущих в центр города. А кондуктор в этот момент катался по полу. Она упала, когда водитель применил экстренное торможение.

Я отчаянно оглядел окружающие дома. В некоторых окнах по-прежнему можно было заметить силуэты людей, с патологическим интересом наблюдающих за трагедией, произошедшей на перекрестке.

– А где убийца оставил карточку?

Александра приподняла уголки рта, изобразив на каменном лице нечто отдаленно похожее на улыбку.

– Карточка была прямо на теле.

– Что? То есть убийца не только толкнул человека под трамвай, но потом спокойно подошел и оставил послание?

– Насколько спокоен он был, не знаю. Думаю, вряд ли, учитывая всю сложность ситуации и только что совершенного злодеяния. Но да, подошел и оставил карточку. Вокруг тела сновало множество людей, все подходили, наклонялись, пытаюсь помочь и проверяя жив ли человек, хотя за километр было видно, что на теле не осталось живого места.

Я подошел вплотную к кабине трамвая, разглядывая лобовое стекло. Нижняя часть состава измазана кровью. Предательская тошнота вновь дерзко подступила к моему горлу.

Из кабины сверху на меня глянул мелкий глазок камеры.

– Там видеорегистратор! Он все снял!

– Bravo! – захлопала в ладоши Молотова. – А то мы не догадались сами проверить. Сейчас почти весь транспорт оснащен видеорегистраторами, даже поезда в метро.

– Убийца! – вновь ткнул я в глазок ока камеры. – Он мог попасть в объектив!

– Мы не исключаем такую возможность, – равнодушно ответила следователь. – Но и не исключаем, что убийца знал или догадывался о видеонаблюдении из кабины водителя. И потому, оставляя карточку на убитом, приложил максимум усилий, чтобы не запечатлеть себя для следствия.

Она просмотрела свои записи в планшете.

– Помните, что я вам говорила, Роман? Он очень умен и каждое преступление тщательно планирует. Видите, вокруг куча народа, но никто ничего не видел и не заметил. На перекрестке с этой стороны никого больше не было – только жертва и ее палач. Около киоска тоже никого. В трамвае пусто. В объектив регистратора явно ничего не попало. Других видеокамер здесь нет, даже на перекрестке и около магазинов. И уж карточку наш душегуб тоже явно оставил незаметно, смешавшись с толпой.

Я посмотрел на нее. Глаза ее были грустны.

– Значит, все-таки серия.

– Ждем четвертого трупа. Самое печальное в этой ситуации, что пока толком не ясно, кого убивает убийца, как и зачем. Пока мы это не проясним, будем выезжать на убийства как по часам.

Настрой у нее был негативный. Я не специалист, но всегда казалось, что если специалист в той или иной области настроен на решение своих задач не позитивно, не верит в свой успех, то лучше за дело не браться. Это все равно как врач, говорящий своему пациенту не «будем лечиться и выздоровеем!», а «ладно, что уж тут, всё равно умрем рано или поздно».

– Мы уезжаем, – сказала мне Молотова, убирая все свои записи в сумку.

– Вы поедете смотреть записи с камер?

– У нас в наличии запись только из трамвая. Поблизости камера есть лишь у супермаркета в пятиэтажке. Мы обязательно запросим запись и с нее, на случай если наш прокурор там проходил.

– А убийца следовал за ним? – продолжил я за нее.

– Да, но вы же сами понимаете, что вряд ли убийца так нелепо засветился?

Я вяло кивнул.

В сухом остатке у них ни улик, ни свидетелей, ни подозреваемых. Идеально для убийцы и фатально для следствия.

Молотова загрузилась в один из полицейских джипов и он, взвизгнув колесами, уехал. Ко мне сразу подошел Денис и пробурчал:

– У меня такое чувство, что я вам просто мешаю.

Я посмотрел на него. Вид у него был растерянный и обиженный.

– Просто неудачный день, – сказал ему в ответ я и опять глянул на красный от крови асфальт.

Да блин!

Как любила говорить одна из героинь романа Татьяны Поляковой, дурной пример заразителен.

– Для всех неудачный, – добавил я следом, стараясь унять тошноту, и хлопнул студента по плечу. – Есть хочешь? Поехали в кафе, угощаю. Заодно и твою работу обсудим, чтобы день зря не проходил.

После увиденного я понимал, что полноценного занятия у нас уже не получится, но по крайней мере мы могли бы обсудить все тонкости дальнейшей работы.

Он согласился, и через полчаса мы подрулили к пекарне напротив театра музыкальной комедии, где помимо совершенно фантастической выпечки еще и подавали вкуснейшие завтраки и обеды. Заказав перекус, мы расположились на втором этаже. За плотными панорамными окнами бесшумно двигался городской поток – нескончаемая вереница автомобилей, пешеходы, летящие сумасшедшие самокатчики. Сверху спускалась приятная прохлада кондиционера.

Денис расположился спиной к окну и снял жакет. Под белой футболкой я разглядел хорошо накачанные руки. Образ ботаника-очкарика таял на глазах.

– Качаешься? – спросил я, кивнув на его руки.

Он пожал плечами.

– Дома. Так, гантелями балуюсь.

Баловался он ими умело.

– Рассказывай, что у тебя с диссертацией. Почему все-таки криминал?

Дятлов серьезно и в то же время несколько недоуменно посмотрел на меня.

– Ну как, вы же журналист в прошлом. Должны понимать.

– Я не журналист, и почти им не работал, потому как работы не было. А для теплого местечка нужен был блат, который у меня отсутствовал. Поэтому я пошел в аспирантуру, а там стал заниматься преподавательской деятельностью.

– Разве ей можно заработать на жизнь?

Я усмехнулся. Парень явно в курсе высоких зарплат преподавателей высших учебных заведений. Они примерно сопоставимы с гонорарами тех хороших, но не массовых писателей. Хватает немного на еду и коммунальные платежи. Из-за этого вместо того, чтобы заниматься научной деятельностью, преподы берут подработки в других вузах, в первую очередь частных. И как таковой наукой времени у них заниматься попросту не остается.

– Не хватает. Но пока я грыз гранит науки, становясь ее кандидатом, писал книги. Их стали публиковать. Мне повезло, что тиражи хорошо и сразу продавались. Я мог зарабатывать на жизнь литературным трудом и не думать о хлебе насущном.

– Наверное, здорово иметь свободный график, – Дятлов мечтательно вздохнул.

– Для писательства да. По-хорошему, чтобы не писал писатель – детектив, фэнтези или ту самую высокую прозу, он должен зарабатывать на жизнь этим трудом. То есть не ходить на работу каждый день, а потом возвращаться домой, иногда к ночи, и садиться за компьютер, где кропать из последних сил до середины ночи новый труд. Это отражается на его качестве жизни и здоровья, а потом и на самой книге. Поэтому я всеми руками за то, чтобы вводить профессию писатель и за нее получать хорошие деньги, так как написание книги точно такой же труд как, например, работа в менеджменте или продавцом, или водителем.

– Такую профессию никогда не введут.

– Ты не отходи, давай, от темы. Почему криминал?

– Криминал – это всегда актуально. И не так сильно освещено в предыдущих работах других исследователей. Все в основном анализируют публицистику, науку или политические публикации.

– Все равно такие работы уже есть.

– Именно поэтому в качестве новизны я решил провести собственное расследование. Посмотреть на примере публикаций, как работают следственные органы. Попробовать выдвинуть версии и раскрыть дело.

Это уже было несколько слишком.

– Тогда вот тебе первое задание. Найди несколько нераскрытых громких уголовных дел и посмотри, как они освещались в прессе. Проанализируй, выясни, что стало причиной их нераскрытия. Понятно?

Он кивнул.

– Тогда по домам. Хватит на сегодня убийств. Тебя подбросить?

Глава 6

После любви⁹

Я посадил Дениса неподалеку от цирка.

– Ты город то, студент, знаешь?

Он уверенно кивнул.

– Не Москва же, тут легко ориентироваться.

Я мысленно не согласился с ним, периодически встречая в районе вокзала орды приехавших из области и других городков приезжих, которые с ужасом глядели на карту города, толком не понимая, где что находится и куда бежать.

– Тогда до завтра, надеюсь ничто занятию не помешает.

– Спасибо, что взяли с собой! – крикнул он, когда я уже отъезжал от тротуара, и глаза его действительно светились искренней благодарностью. Я же наоборот чувствовал себя свиньей, помня, как по-хамски вел себя с ним утром.

Не успел я приехать домой, и настроиться на небольшой отдых, как телефон начал разрываться от звонков. Пробормотав свое любимое ругательство про мать, я ответил.

Первой звонила Даша.

– Ты куда-то пропал из моего поля зрения. У тебя все нормально?

Голос у нее был взволнованный и могло показаться, что она совершенно искренне переживает за своего подопечного. В действительности же ее интересовало не мое настроение или самочувствие.

– Как продвигается новая книга?

Понятно? Для Дарьи я был ломовой лошадкой, ваяющей новые книги, которые потом продавались и приносили хорошие деньги трем людям – издателю, мне и ей, как агенту.

– Работаю.

Мне не хотелось рассказывать ей, чем я в реальности занимался последние два дня. Ей это могло не понравиться (хотя и оставалась маленькая вероятность, что она, напротив, придет в восторг), Даша сразу закатит истерику, а мне и так хватило на сегодня впечатлений. Перед глазами жутковатой картиной до сих пор стоял залитый кровью асфальт с ошметками мяса, недавно бывшего составляющими частями тела несчастного прокурора.

– А что с голосом?

– Устал. Жара.

– Не забыл, что у тебя онлайн-конференция в книжном клубе.

Этого еще не хватало.

– Нет, не забыл.

Хотя я действительно забыл.

– Отлично. Тогда удачи.

И она отсоединилась.

---

⁹ Детективный роман Виктории Платовой, 2006г.

Второй позвонившей была Кристина. Бывшая и горячо любимая жена.

– Да, дорогая.

– Надо же как мило, – произнесла она, на самом деле приходя в некоторое замешательство от моего приветствия. – Ты в городе?

– К сожалению, да.

– Можешь приехать ко мне?

– А что там у тебя?

– Во-первых, по тебе скучает Машка. Она все время спрашивает, когда ты приедешь. А, во-вторых, я тебя хочу познакомить с одним человеком.

Твою же дивизию, еще одна хочет меня с кем-то познакомить.

– Ты тоже хочешь, чтобы я кому-то помог писать диплом?

Кристина слегка опешила, не поняв шутки.

– Ты про что?

– Да так. Мыли вслух. Хорошо, приеду через пару часов. Нормально?

Я бы никуда не поехал бы, если не Машка. Племяшка – это святое. И потом она так сильно меня любит, что я не могу обидеть ребенка.

Крис на том конце линии не унималась.

– Только сделай, пожалуйста, так, чтобы эти пару часов не превратились в десять, и ночью ты потом не написал бы «извини, не получилось».

– Ни в коем случае. Аста ла виста, бейби, – хмыкнул я и сбросил звонок.

Пройдя в спальню, не раздеваясь, рухнул на кровать. Времени было около шести вечера. Посплю часик и поеду. Усталость, накопленная за день, камнем давила на голову, и не оставалось никакого другого варианта избавиться от нее, как спокойно отоспаться.

В итоге, когда я разлепил глаза, на часах стрелка застыла у восьми часов. Безбожно проспал! Подскачив, словно ошпаренный, я бросился в прихожую. Уже через минуту мой «Вольво» ракетой влетел из паркинга и помчался в сторону дома бывшей жены.

Так получилось, что детей мы с Кристиной завести не успели, хотя оба хотели этого. Наш брак был весьма скоротечным. Поначалу оба просто хотели пожить в свое удовольствие, затем привычка как-то плотно вошла в нашу жизнь, а, как известно, от дурного отвыкать очень трудно. Потом брак начал увядать, а вместе с ним желание дать своему роду продолжение. Возможно, рождение ребенка цементировало бы нашу молодую семью. Но рождения не случилось.

Зато, стоило нам разойтись, появилась Машка.

Машке было двенадцать – подходил самый сок трудного, скандального переходного возраста. Правда, в сравнении с другими подростками она была просто ангел. В двенадцать бедняжка потеряла родителей. Сестра Кристины, Рита, скорострительно умерла, оставив дочь сиротой. У нее был гражданский муж, появлявшийся в семье настолько редко что большая часть семьи все время забывала, как именно его зовут, а в последний год даже забыла, как он выглядит. Я о нем знал, что он спортсмен, вроде как бывший и даже в лучшие годы не очень удачливый хоккеист с интеллектом подопытной мыши. Он любил выпить и выпить регулярно, не имел и тем более не хотел постоянного заработка, абсолютно наплеватьски относясь всю жизнь к Маше. Ребенок для него был с одной стороны балластом, с другой поводом гордости, потому как во всех ссорах с Ритой он незамедлительно бил себя мощным кулаком в грудь и орал, что он отец, супер мужик и по факту глава несуществующей семьи. Потом он уходил кутить с друзьями, пропадая из дома на несколько дней, ни разу не позвонив Рите, вскоре возвращался, опухший, с похмелья, иногда кем-то, видно доведенный своей неоднозначной персоной до белого каления, изрядно подбитый. С каждым годом он бухал так, что на него становилось смотреть все страшнее и страшнее.

Опойка, тупица и потаскун, сказала про него Крис. Я тихо согласился.

Понятное дело, оставлять Машку с таким чудищем было нельзя. Страшно представить, в кого он мог превратить ребенка примером своей разгульной жизни. Надежда же, что он вдруг остепенится и почувствует хоть какую-то ответственность, оставалась размером с половинку частицы морской соли. В итоге Машка стала жить с Кристиной.

После развода моя жена переехала в другую квартиру, прожила там несколько месяцев, а затем купила таунхаус в черте города, якобы выгодно вложившись еще в котлован. Происхождения такие средств оставались для меня загадкой, но я подозревал, что сразу после ухода от меня, женоушка нашла себе очень хорошего любовника. Теперь у нее был фактически загородный дом, с двумя этажами комнат, небольшим палисадником перед домом и двумя парковочными местами. Туда же переехала и Маша.

Ее отец вспоминал о ней раз в месяц, и это в лучшем случае. Звонил, видимо просто удостовериться что дочь жива и здорова, затем также исчезал. Насколько я знал, опойка-тупица-потаскун-хоккеист-папочка был даже не в курсе домашнего адреса Крис. Впрочем, пускать такое отъявленное дерьмо на порог никто бы и не стал.

Этим вечером, пока летнее солнце клонилось к закату, каждое окно жилища бывшей было подсвечено светом. Создавалось впечатление, что внутри дом полон гостей. Припарковав внедорожник, я осторожно вышел и огляделся. Из дома действительно доносились звуки какого-то торжества.

Какого хрена? – злобно подумал я и пошел к входной двери.

У меня были ключи, я все-таки хоть и бывший, но муж, поэтому я не стал трезвонить в надежде, что Крис благоволит мне открыть, и потому открыл дверь сам.

Внутри было шумно и по-особому празднично. Вешалка в прихожей, всегда пребывавшая в изрядном бардаке (точно такой же царил и у меня дома, когда мы жили с Кристиной вдвоем) и завалена куртками, сумками и прочей дребеденью. Около коврика в беспорядочном хаосе разбросана обувь. Мое внимание привлек и аляпистый бирюзовый плащ.

И без того хреновое настроение упало ниже плинтуса. А голова, от резкого подъема и недосыпа, постепенно, словно чаша, наполнялась головной болью.

Этот плащ, откровенно безвкусный, ужасного ядовитого цвета, приторно мерзко пахнувший ядреными французскими духами, и, не стоило сомневаться, что поддельными, от которого прихожая пропахла так, словно располагалась в предбаннике парфюмерного завода, принадлежал моей теще.

Бывших тещ не бывает. Также как не бывает бывших друзей. Друзья либо есть, либо те люди, которые в один грустный миг перестают ими быть, никогда таковыми не являлись. Аналогичная ситуация с тещами. Их ненависть к зятям не прекращается со временем, не исчезает после развода с дочерьми, чьи жизни испоганил очередной зятек, какого лучше бы вообще никогда не существовало на земле.

Короче говоря, бирюзовый плащ, провонявший французской парфюмерной химией, принадлежал моей теще. Агата Францовна была матерью Кристины. Когда я услышал ее имя-отчество, не смог удержаться от шутки.

– Она что, из бывших фашистов?

Моя, тогда еще невеста, посмотрела на меня, резко меняясь в лице.

– Никогда не шути с ней. Она не понимает шуток.

Как выяснилось похоже, теща много чего не понимала в этой жизни.

В день моего знакомства с родителями Крис все шло не так. В тот день мы невзлюбили друг друга сразу. Есть любовь с первого взгляда, а есть ненависть. При виде меня будущая теща сморщилась, будто кто-то невидимый засунул ей в нос дольки лимона, скривила губы, в общем-то и без того не отличавшиеся ровными линиями, и вздохнула. Во вздохе, долгим и шумном, сквозило отношение к неудачному выбору дочери.

– Агата Францовна! – рявкнула она на меня в первую нашу встречу так, словно приставила к моей голове пистолет и спустила курок. Я едва не отшатнулась.

– Роман Андреевич, – прошептал я и добавил, чем вбил в крышку своего гроба последний гвоздь: – Вербицкий.

Агата Францовна подумала почему-то, что я форменно издеваюсь над ней. Фамилия Вербицкий в ее древнем сознании ассоциировалась с князьями и дворянами, к коим я не мог иметь отношения по определению. Просто за глаза, а, вернее, за простоватую внешность плебея.

Для нее я был худ, слишком глуп и чересчур груб. Ну куда мне, подзаборной челяди, до дворян?

Во время нашей недолгой жизни с Кристиной, Францовна отравляла мне жизнь как только могла. Главным образом, пилила мою жену.

– Что он все выходные сидит дома?

– Мама, а куда ему идти?

– Он же нигде не работает!

– Мама, он писатель!

– И что? Это разве работа?

– Его книги хорошо продаются.

– И что? Пусть вымоет ванну! Пропылесосит пол!

– Мама!

– Когда вы заведете детей? Он что, бесплодный? А может у него не все в порядке с ориентацией?

– Мама!!!

– А что я такого сказала? Ты знаешь, сколько вокруг нас латентных геев?

Иногда теща поражала своими познаниями, при том даже не была, в отличие от меня, кандидатом наук.

Во время таких душевных разговоров, мне хотелось оживить одного из киллеров моих романов, дать ему адрес тещи и попросить убить как можно более изощренным способом. Самому в тюрьму из-за этой чувырлы садиться не хотелось.

И вот сейчас эта мегера, фурия, гарпия без пропеллера¹⁰, ведьма из страшных немецких сказок околачивалась здесь.

– И что у нас за праздник? – процедил я Кристине, стоило ей выйти в прихожую.

– Ты опоздал!

– Да насрать. Что здесь делает эта немецкая баба-яга? Ступу чинит? Или метла сломалась?

Бывшая разозлилась. Гладкое лицо ее приобрело пунцовый оттенок. У меня на мгновение создалось впечатление, что сейчас мне прилетит пощечина.

– Ты не охренел? О моей матери так говоришь!

– Тебе напомнить список на ста десяти страницах какими словами она называла меня за все эти годы? Или не надо?

Я заставил себя успокоиться, обнял Крис и поцеловал ее в уголок рта. Мозг тот оказался подчиняться разуму, и внизу живота я почувствовал, как напрягаюсь от желания. Все-таки иногда не бывает и бывших жен, к которым все равно чувствуешь влечение и каждый раз надеешься завалить в постель.

Она тоже ответила меня, приобняла за шею, прижимаясь, и нежно поцеловав в ухо, слегка прикусив напоследок мочку. Думаю, она почувствовала выросший бугорок моих брюк, и ей явно было лестно. На лице бывшей жены промелькнула еле заметная улыбка.

– Она в гостиной.

---

¹⁰ Намек на роман Дарьи Донцовой «Гарпия с пропеллером».

– Спасибо, что предупредила. Пойду запрюсь в туалете. Скажи, что я съел селедку с молоком. Если у нее будет желание меня увидеть, пусть заглядывает.

– Ты прекратишь или нет?

– Нет. Машка где?

– У себя наверху. Сейчас спустится.

– Слушай, я приехал к ней, а не чтобы видеть твою мамочку. На нее я посмотрелся за годы нашей недолгой совместной жизни.

– Ты с ней не жил.

– Бог миловал, да.

Если бы я жил с этим чудовищем, то повесился бы. Или прибил ее, что более вероятно. И фиг с ней с тюрьмой.

Я прошел ко входу к гостиной и осторожно заглянул. Агата Францовна, долгих лет ей жизни, восседала на диване и разговаривала с каким-то молодым черноволосым парнем. Он был одет в модный клетчатый костюм, вместо рубашки на нем была белая футболка. Непослушные от природы волосы, явно при помощи геля были подняты вверх. Прямо ожившая картинка из журнала про мужское здоровье. Теща глядела на гостя влюбленными глазами, покорно сложив руки на тощих ногах, томно вздыхала и периодически кивала головой, поддакивая. Не удивлюсь, если бабка сгорала от проснувшегося после долгих десятилетий спячки, вожделения.

– Кто этот мачо? – спросил я еле слышно.

– С ним я и хотела тебя познакомить.

В голове промелькнула маленькая догадка, но я все же понадеялся на лучший исход. Лучшего, однако, не случилось.

– Это Антон. Мой... в общем, он мой парень.

Я чуть не присвистнул. Нет, не от удивления. От негодования.

– И ты позвала меня, чтобы я познакомился с твоим хахалем? Родная, а ты головкой не стукнулась?

– А что тут такого? Он тебе не нравится?

Я еще раз оглядел мачообразное создание, миловавшееся с чудовищно милой Агатой Францовной.

– Как он может мне нравится? Он трахает мою жену. То есть тебя.

– Я твоя *бывшая* жена!

– Есть разница? Думаешь, мне приятно?

Я развернулся и хотел было пойти наверх к Машке, как позади услышал возглас.

– О, вот и гости подъехали.

Твою же мать!

Пришлось развернуться, попытаться наклеить на себя улыбку, делавшую меня похожим на монстра, и крикнуть из гигантского холла прихожей:

– Добрый вечер. Всем.

«Всем» относилось к теще. Мол, я вас не забыл, маман. Доброго вам здоровьица.

– Это же наш Роман, – гаркнула с дивана Агата. – Бывший мой зять и бывший муж Кристи.

При случае надо будет прочесть ей лекции про тавтологию. Хотя приятно, что я по-прежнему НАШ.

Мачо Антон поднялся с дивана и уверенной походкой направился ко мне. Под пиджаком у него как оркестр заиграли мускулы. Губа у Кристины не дура, а вот наш брак действительно был обречен изначально, в виду отсутствия у меня в принципе даже слабого подобия мускулатуры. Что с нас, писателей, взять? Мы люди интеллектуального, а не физического труда.

– Приятно познакомиться. Я – Антон.

В моей голове скабрено мелькнула неприличная рифма с этим именем.

– Я понимаю, что надо привыкнуть, – продолжил он, пока я и рта не успел раскрыть. – Вряд ли я вызываю у вас хорошие чувства, ведь все-таки Кристина была вашей женой, а теперь она со мной, но я хотел бы дружить. Вы мне очень симпатичны.

Он пожал мне руку. В ответ я кивнул, ответив крепким рукопожатием. Теща на диване от напускного умиления чуть не застонала. Антон мне чуточку начинал нравиться. Честно и сразу расставлены точки над ё. В принципе, может с ним и получится сварить кашу. Только вот в виде мужа Крис я его не мог представить. Хотя, может просто зависть?

– Что ж, будем дружить. Вернее, попробуем. Главное, Кристину не обижайте.

– Роман как всегда вежлив, – пролаяла с дивана теща.

Что с ней случилось? Откуда столько доброты? Мне уже становится страшно.

– Пойду к Машке, – сказал я, еще раз кивнул незванным гостям и направился вверх. Всего понемножку. Хватит пока с меня любезностей.

Машка, поджав ноги, сидела у себя в кровати и читала книгу с красочной обложкой. Довольно нетривиальное зрелище для подростка, учитывая, что большинство из них все свободное время безнадежно зависают либо в смартфонах, либо в компьютерах. Мне же удалось привить девочке любовь к чтению. Объяснить, что читать живое слово гораздо интереснее дурацких картинок и роликов из соцсетей.

Увидев меня, Машка отбросила книгу, подпрыгнула словно мячик в кровати, и кинулась мне на шею.

– Рома приехал!

Объятия у нее не по-детски крепкие.

– Тихо! Сейчас шею сломаешь. Слышишь, как позвонки хрустят?

– Какие?

– Шейные!

– А что, их несколько?

– Не знаю про тебя, но у меня несколько.

Я уселся в кресло перед ее столом и крутанулся на колесиках.

– Как дела, киндер? Что читаешь?

Машка с невыразимой гордостью развернула передо мной яркий форзац книги. Виктор Драгунский «Денискины рассказы». Перед взором сразу всплыло лицо моего очкастого студента. А вслед за ним картина разбрызганной крови на тротуаре и перепуганное лицо парня.

– И как?

– Круто. А утром я вообще читала Бажова.

Привить любовь именно к русской детской литературе, в том числе сказочной, опять же моя идея. Большинство нынешних детей, которые интересуются вышедшей игрой плейстейшен или очередной марвеловской экранизации, практически незнакомы с русскими героями. Все знают супермена, в курсе кто такой Гарри Поттер, но совершенно не знают, например, хозяйку медной горы. Не знают ни одного персонажа детских сказок, не прочли ни одной былины и понятия не имеют о том, кто такой Илья Муромец. Потеря идентичности на лицо. Поэтому я старался прививать Машке не только любовь к чтению, а еще любовь к правильному чтению. В ее годы я, правда, помимо Бажова и Толстого, всю читал детективы. Но, по крайней мере, исключительно русские.

– Молодец. Вам на лето список для чтения дали?

Машка взгустнула. Читать то она любит. Вот только не по спискам. Сама себе хозяйка, пусть и не медной или изумрудной горы¹¹.

– Дали.

---

¹¹ Намек на остросюжетный роман Антона Леонтьева «Хозяйка изумрудной горы».

- Грусть тоска смотрю на лице. Рассказывай, что там?
- «Капитанская дочка».
- И все?
- Еще какой-то Шекспир Мериме «Маттео Фальконе».
- Не Шекспир, а Проспер. А не рано ли вам про Маттео читать?
- Ольга Павловна считает, что не рано.
- Ну, раз Ольга Павловна считает...
- Как тебе Кристинин хахаль? – резко сменила тему Маша.
- Ух ты ж, откуда такие слова знаем?
- Я уже взрослая!
- Ты в школу ходишь. И паспорта у тебя нет. Это априори не взрослая. Она, конечно, обиделась, но любопытство взяло вверх.
- Что такое априори?
- Сложное слово. Считай это... как первоначало.
- Так как тебе Антон?
- Типичный мачо из журнала. Ей всегда такие нравились.
- Ты же не мачо, как же она тогда на тебе женилась?

Конечно, на таком страшилище как я страшно рядом сесть, а не то что жениться! Спасибо тебе, дорогая Машенька!

- Это я на ней женился, слава небесам, а она вышла за меня. Замуж, понимаешь?
- Чтобы как за каменной стеной быть?

Хреновая из меня стена получилась. И уж точно не каменная. А, скорей, бумажная. Сотканная из тысяч страниц книг мной прочитанных и написанных. От такой стены мало проку. Спичку поднес и все запылало. Как там ей Агата Францовна трепала? От мужика должно пахнуть мужиком за версту. От меня же мужиком не пахло – от меня разило писателем.

- Можно сказать и так.
- А ты ее до сих пор любишь?
- Кристину? Ну... как тебе сказать...

Не говорить же двенадцатилетнему ребенку, что двадцать минут назад у меня фактически встал на Крис член. Вернее, не фактически. Это что значит? Я ее до сих пор люблю, или просто у меня давно никого не было? Да у меня вообще никого не было после нее. Равно как и до нее. Замкнутый круг полудевственника, мать его.

- Так и скажи, – лицо Машки тало серьезным. Она в миг повзрослела лет на пять.
- У любви нет прошедшего времени. Так в фильме одном говорили.
- «Ирония судьбы. Продолжение»! Там так Женя Лукашин говорил своей Наде.
- Какие у нас познания! Ты его что, смотрела?
- Естественно. На новый год. Уже несколько раз.
- А первую часть смотрела? Она в разы круче.

Киндер пожала плечами.

– Я там многого не понимаю. Как пьяного героя могли пустить на рейс? Почему за такси идет такая битва?

- Ох, знала бы то, что такое дефицит!
  - Это когда денег мало?
  - Когда всего мало. Давай к делу. Тебе понравился Антон?
- Машка вновь пожала плечами.
- Он нормальный. Но чересчур... как это говорят... сладкий.
  - Слащавый, наверное.
  - Точно!
  - Есть такое. Главное, чтобы он был порядочным, и чтобы любил нашу Кристину.

– А ты бы хотел с ней снова быть?

Я помолчал. Невольно дернул головой, как от разряда тока.

– Не знаю. Другой вопрос, хотела бы она со мной быть.

– Я думаю, хотела бы.

– И откуда ты все знаешь?

– А я умная.

– Без сомнения!

Дверь скрипнула и в комнату заглянула жена. Бывшая, но все равно жена. Как там Газманов поет? Единственная моя, ветром обрученная. Или это не Газманов, а Киркоров?

– Ужин! Хватит трепаться. Будто целый год не видели друг друга.

Я глянул на часы. Почти десять вечера.

– Так поздно ужинать?

Я безбожно лукавил – сам иногда ужинал и после полуночи, а часов в девять вечера только полдничал. Писатели – люди ненормальные.

Кристина испепелила меня взглядом. Кровь опять прилила к члену. Да что со мной такое?

– Вообще-то, дорогой мой, мы тебя ждали.

– Какая честь. Мы сейчас спустимся. Агата Францовна уже отчалила?

– Нет, моя мама будет есть с нами.

– Смотри, чтобы не увела у тебя жениха. В ее годы обычно играют гормоны второй молодости.

– Какой ты сегодня мерзкий!

– Я всегда такой.

Я улыбнулся своей необаятельной улыбкой. Кристина ушла, а Машка тихо прыснула.

– Что слушаешь, молодежь, – ткнул я в айпод на тумбочке. – Паваротти?

– Издеваешься? Новую песню Асти.

– Похвально.

– А тебе кто больше нравится? Севиль или Асти?

Что говорить, я был в теме. Музыка, пусть современную, пусть с редкими ростками смысла, я люблю. Она позволяет отвлечься и иногда создать хороший фон для написания книги.

– Они обе... талантливые.

А сам подумал – у кого из них губы больше? А Машка поддакнула:

– Сексуальные.

– Мария Викторовна, вы где таких слов набрались?

– В школе. А что такого? Это же не матерное слово.

Да, сексуальное просвещение, как и призрак коммунизма в Европе, активно шагало по всем российским школам. Недалек тот день, когда взрослые начнут спрашивать советов у детей, а не наоборот. Наш мир устроен неправильно, уж точно.

– Пошли, полиглот, время еды.

Несмотря на свою комплекцию и возможность спрятаться за любую швабру, поесть я любил. Обмен веществ работал так, что сколько бы я не ел, мышцы у меня не росли, а жира как не было, так и не появлялось. Женская часть друзей меня за это тихо ненавидела. Мужская часть подозревала существование в моей кишечной флоре глистов. Честно говоря, я не проверял.

За ужином уже собрались все.

Агата Францовна сидела рядом с Антоном, продолжая смотреть на него влюбленными глазами, и периодически обнажая зубы в улыбке хищной рыбы. Что эта старая карга все время сегодня лыбиться? Зубы что ли вставила?

Я сел рядом с Машкой, на удалении от тещи, и вблизи Антона.

– Как продвигается работа над новой книгой? – спросил он, едва завидев меня. Глаза его блестели интересом сумасшедшего фаната.

– Работаю потихоньку, – соврал я.

– Опять пишешь про очередного маньяка? – спросила Кристина, накладывая в тарелки салат.

Моему самолюбию нанесли удар.

– Вообще-то я почти никогда не пишу про маньяков.

– Разве?

– Ты хоть одну мою книгу прочла?

Кристина скривилась.

Не секрет, что родственники некоторых писателей не воспринимают их литературный талант. Для них сродни феномену тот факт, что кто-то из родни вдруг становится мало-мальски известным, а его имя и фамилию можно увидеть с обложек книг. Кристина не раз силилась прочесть мои труды, но каждый раз откладывала книгу, не дочитав и до середины. При этом мило делала вид, что прочла полностью.

Сейчас за нашим псевдосемейным столом мою графоманию обсуждать не хотели.

– Давайте не будем вспоминать об убийствах, – подала голос Агата Францовна, по-прежнему не отрывая глаз от Антона. – Лучше поедим.

Ужин прошел без эксцессов. К счастью, никто не поссорился. В двенадцатом часу домой засобиралась теща – ее мы вместе с Антоном погрузили в такси. Я поборолся с желанием, попросить водителя за отдельную плату завезти бабку поглубже в лес и там выкинуть. Затем, в полночь, домой решил отчалить и новый воздыхатель жены. Провожать его пошла Кристина. Я сначала пытался усидеть на диване, затем, все же не выдержав, подошел к окну и аккуратно выглянул. Антон и Крис стояли у крыльца, подсвеченные фарами приехавшего такси и страстно целовались. Рука мачо беспокойно елозила по заднице моей бывшей.

Я чувствовал себя вуайеристом. И при этом не мог перестать смотреть. Да, она моя бывшая. Да, мы официально разведены. И да, наша любовь больше похожа была на скоротечную страсть. И что? Все равно я ее пусть и чуточку, но любил. Действительно, у любви нет прошедшего времени.

Она вернулась. Теперь мы остались вдвоем. Машка уже спала. Убирать грязные тарелки со стола никому не хотелось. Кристина не решалась начать мойку, я был далек от мысли о помощи. Немного подумав, предложил выйти на улицу.

Вечер, на удивление прохладный после дневного пекла, приятно освежал голову.

– Ты остаешься ночевать? – спросила она.

– Нет, поеду к себе. Не люблю спать не в своей постели.

– Как тебе Антон?

– Ты уже спрашивала.

– Не спрашивала.

– Типичный красавчик, каких пруд пруди. Тебе такие всегда нравились, даже когда мы были женаты.

Она отмахнулась рукой.

– Не говори глупости. Если бы мне такие нравились всегда, я бы не вышла за тебя.

– У нас была искра. Мы хотели друг друга. И любили.

– И потому все так быстро закончилось?

– Искра погасла.

– И все?

Я не мог понять, к чему она ведет. Ужин с Антоном и любимой мамашкой поднял на поверхность романтические чувства?

– Мы были с тобой разными. Сама смотри – сколько в тебе энергии, резкости, эмоций, настроя на любое движение. Я же как мумия – тишь да гладь. Запираюсь в своей комнате, и чтобы меня никто не трогал.

– Разряды с неодинаковыми полюсами притягиваются.

– А мы и притягивались. Ты заряжала меня, я успокаивал тебя. Но потом это разом всем надоело. Электричество закончилось.

Мне почему-то сильно захотелось вернуться домой. Вот прямо сейчас взять и сразу окатиться дома. Опуститься в кровать и заснуть. В полной тишине. И чтобы никто не долбал никакими глупостями и дипломными работами.

– Мне пора. Поцелуй от меня Машку. Только утром уже, а то разбудишь сейчас.

Я щелкнул брелком от машины.

– Счастливо, дорогая.

Потом мы поцеловались на прощание, что характерно, почти что в губы. И почему-то лично мне показалось, что этот поцелуй был несколько долгим. Видел бы его Антон, несомненно стал ревновать, а его позитивный настрой на дружбу по отношению ко мне мгновенно превратился в пепел. Затем я сел в машину и уехал, еще долго видя в зеркало заднего вида, как Кристина стояла на крыльце и смотрела мне вслед. Казалось, мы думали этой ночью об одном.

Я – о том, как целую ее и швыряю на кровать, она – о том, как я склоняюсь над ней в темноте спальни неказистого таунхауса.

Глава 7

Вынос дела¹²

Новое утро не оставляло сомнений в том, что день вновь будет невыносимо жарким.

Встав от сна и наблюдая за окном стонущий в мареве жары город, я позвонил Молотовой.

Ответила она почти сразу, словно ожидая моего звонка.

– Доброе утро, как у вас дела?

– Сейчас уже день.

Я глянул на часы. Полдвенадцатого. Для меня это утро, причем относительно раннее.

Спорить, однако, не стал.

– Как продвигается расследование?

Она кашлянула. Неловко. Значит, вопрос застал врасплох и отвечать на него ей не хотелось.

– Вы спрашиваете у меня вещи, которые я не имею права рассказывать.

Ага, тайна следствия, слышали. Мне же наивно казалось, что у нас сложилось некое подобие команды для распутывания этой самой тайны и первоначального замысла убийцы.

– Извините, я думал мы работаем вместе, – огласил я свою обиду.

Она шумно вздохнула. Понятно, сейчас начнет заливать мне.

Только неожиданно Молотова сказала правду:

– Роман, должна извиниться, но вы приглашены мной и только мной, и совершенно неофициально. Улавливаете частицу «не»?

Частицу «не» я улавливал и от этого становилось грустнее.

– Я вас задействую только в тех вопросах, которые не могу разрешить сама. Там, где требуется ваша помощь в виде консультанта. Не более того.

«Задействую» в ее устах равнялось слову использую. Я на мгновение ощутил себя на месте презерватива, спускаемого в унитаз.

– Зато честно, – ответил я, помолчав.

– Извините. Пока лишь могу сказать, что никакой связи между убитыми мы не нашли.

---

¹² Роман Дарьи Донцовой из цикла «Любительница частного сыска Даша Васильева»

– Им кто-то угрожал? Они рассказывали о каких-либо своих опасениях родственникам?

– Нет.

– На записи из трамвая нашли что-нибудь важное?

– Нет.

– И никто ничего не видел из свидетелей?

– Нет.

Лаконично, что уж сказать.

– Дела объединили в серию?

– Оснований для объединения дел в серию пока нет.

– Как нет? Записки с названиями книг разве не основание?

– К сожалению, в управлении к этому обстоятельству относятся не слишком серьезно.

Виной всему полное отсутствие связи между жертвами и с сюжетом книг. На почерк серийных убийц это тоже не похоже.

– Тогда что это?

– Я думаю, как только появится очередная жертва, возможно, дела объединят. Вы подумали насчет книг? Есть что-то общее?

– Абсолютно ничего.

– Вот видите как.

Сказано было укоряющим тоном, словно это я виновен в том, что следствие толком ничего не может найти, да и паззл замысла убийцы никак не складывается.

– Послушайте, Александра, прокурора просто так не убивают. Смотрите, убийца выбрал такой странный и пока необъяснимый способ убийства, оставляя карточки с названиями детективных книг, при том, что ни способ, ни сам убитый никоим образом не связаны с происходящим в сюжете. Кого он убивает? Определенных людей? Но все жертвы разные. Возраст, социальное положение, внешний вид, образ жизни, даже город другой во втором случае. Есть свидетели? Нет. Улики? Нет. Значит, все подготовлено и спланировано заранее. Следовательно, могут ли это быть случайные люди? Маловероятно.

– Что вы хотите сказать?

– То, что вы подсознательно хотите услышать. Все убийства чем-то, да связаны. Это раз. И два, убийца знал, что толкает под трамвай именно прокурора, а не слесаря-сборщика или бухгалтера. След к нашему книжному киллеру нужно искать в прошлом нашего многоуважаемого служителя фемиды. Кстати, можно ли узнать его имя?

– Нельзя.

– Вы хотя бы подняли его дела?

– Подняли. Никто из осужденных за последнее время не освобожден из тюрьмы. По другим еще ведется проверка.

– Да, но месть могли совершить и родственники.

– Могли. А могло все быть и простым совпадением. По сути, мы ищем иголку в стоге сена. У меня совещание, не могу больше говорить.

И она сбросила звонок, столь резко прервав наше милое общение.

Я зашел в «Телеграмм» и начал сосредоточенно просматривать новостные сообщения на местных каналах. Почти в каждом из них я нашел упоминание о вчерашнем происшествии в парковом районе, однако нигде не называли ни имени, ни фамилии убитого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.